

АЛЕКС НОРИЧ

КЛУБ БЕССМЕРТНЫХ

16+

Алекс Норич
Клуб бессмертных

«Автор»

2022

Норич А.

Клуб бессмертных / А. Норич — «Автор», 2022

Что делать, если твои молоджавые, холёные пациенты вдруг начинают умирать один за другим? Как быть, если далеко не заразная болезнь расплзается по городу, словно чума, а ты понятия не имеешь, в чем причина? Почему таинственное заболевание преследует лишь очень состоятельных людей? Почему знакомые, с которыми ты обсуждаешь «эпидемию», бесследно исчезают один за другим? Филипп – талантливый врач и не привык терять пациентов. Он любопытен, амбициозен и настроен найти ответы на эти вопросы. А ещё он готов на всё, чтобы защитить друзей, беспечно поддержавших его авантюру. Поиски приводят Филиппа в роскошный ретрит для миллионеров. Именно здесь, в запретном раю, богатые и успешные ищут Святой Грааль вечной молодости. Но находят намного больше, чем хотели бы.

© Норич А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	25
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алекс Норич

Клуб бессмертных

Глава 1

Филипп

– Так что странно все это, молодой человек. – Сквозь полусонную негу массажа донесся до меня приятный голос, похожий на тихий хруст тающего на солнце снега. – Совершенно здоровые люди на ровном месте заболевают редкой болезнью и в три дня того... Эвакуируются в лучший мир. И никакие деньги, никакие медстраховки их не спасают.

Я мгновенно вышел из полузабытья. Именно так: мои пациенты тоже умирают за два-три дня. Их холёные, окруженные заботой лучших клиник и салонов тела как будто плавятся от воспаления. Ни иммуносупрессивная терапия, ни литры внутривенных растворов, ни плазмаферез не в силах даже притормозить аутоиммунный пожар, заживо пожирающий их плоть.

* * *

А ведь все началось совсем невинно: у меня прихватило спину. Майский поход вышел мне боком (буквально и фигурально выражаясь) – и теперь я мог поворачиваться лишь всем корпусом, а голову запрокидывал назад и вбок, как недоверчивый какаду. Голова болела практически непрерывно, и вдобавок начали неметь пальцы на правой руке. В какой-то момент я осознал, что мне трындец... В смысле, пора к врачу. Я и сам врач-ревматолог, но стараюсь не общаться с коллегами иначе как на шашлыках или в походах. Однако на этот раз деваться было некуда, и я начал методично обзванивать потенциальных спасителей. Помощь пришла со стороны бывшего однокурсника, талантливого хирурга-травматолога. Правда, это была не совсем та помощь, на какую я рассчитывал.

– Слушай, тебе не я нужен, а Паша. – Решительно заявил он. – Паша – волшебник.

– Какой еще Паша? – Спросил я настороженно.

– Ну, помнишь, был у нас такой препод на кафедре неврологии, читал посттравматическую реабилитацию. Хотя, возможно, ты с ним и не пересекался. Он много лет возглавлял отделение неврологической реабилитации в закрытом госпитале. Ставил на ноги даже парализованных. Правда, всегда любил накатить, и это ему аукнулось. Пашу потихоньку слили из госпиталя незадолго до пенсии, и он, дабы не остаться совсем не при делах, устроился консультантом на пару дней неделю в какую-то ведомственную поликлинику. Ну и подрабатывает понемногу, возвращая на место позвонки частных клиентов. Насколько я знаю, в последнее время у него нет отбоя от состоятельной публики. Обитатели Рублевки и Патриарших прудов передают друг другу Пашины контакты по сарафанному радио, и он правит спины престарелым родителям топ-менеджеров, бизнесменам, которых нелегкая занесла в качалку, их женам, перестаравшимся с фитнесом... В общем, сам понимаешь. При этом Паша не меняется: если решил накатить – накатит, наплевав на договоренности. Представь, насколько он хорош, если рублёвская публика все это терпит. Волшебник, чесслово!

– Ну и сколько стоит твой волшебник? Сомневаюсь, что рублёвский эскулап по карману простому врачу.

– Да не парься: все, что ему надо для материального счастья, он берет с «рублёвцев», а к коллегам ходит из любви к искусству: вспомнить прошлое и просто потрындеть на околеме-дицинские темы. Твоя такса – пара тысяч рублей и готовность слушать поток сознания, иногда вставляя уместные комментарии.

– Хорошо, если так. Скинь мне тогда его номер в Вотсап, ладно? И спасибо!

– Пустяки. Надеюсь, тебе повезет, и Паша будет в дееспособном состоянии. В недееспособном он надолго исчезает с экранов радаров. Дай тебе бог терпения выносить его болтовню.

Мне повезло: как раз в то время Паша был вполне дееспособен, к тому же обитал он всего в двух станциях метро от меня. Уже на следующий день «волшебник» деятельно правил мою многострадальную спину и, действительно, болтал без передышки. Неврологический гений оказался щуплым коротышкой, ясные голубые глаза на круглом, прочерченном морщинами лице смотрели одновременно невинно и хитровато. Он распластал меня на коврик и деликатно заскользил пальцами вдоль позвоночника. Буквально по первым движениям я понял, что имею дело с очень опытным и знающим врачом.

– Итак, молодой человек: три межпозвоночных диска у вас прилично осели. Рюкзачок, видимо, серьезный на себе тащили.

Я виновато покивал.

– И колун. И котел.

– Что же Вы поскромничали? Надо было еще и девушку посадить сверху.

– Девушки со мной в походы не ходят, а вот товарища в следующий раз прокачу.

– Боюсь, следующий раз состоится оочень не скоро. Минимум пару месяцев придется обойтись без походов, а то и дольше. Тааак... А что у нас тут? А тут у нас третий грудной позвонок чуть повернулся вокруг своей оси и поджимает корешок нерва... Его мы быстро вернем на место. Повернитесь на бок, ко мне лицом, ногу согните... не эту! Левую. Значит, говорите, ревматолог? Очень любопытно, очень. В последнее время я почему-то все больше наблюдаю проблем Вашего профиля... А мы вот так его!.. Весьма, кстати сказать, серьезных проблем.

– Где, у вас в госпитале?

– Нет-нет. В своей неврологии я с больными других профилей не встречаюсь. Но вот у нескольких частных клиентов случились критические аутоиммунные расстройства. И это странно, ведь все они люди весьма состоятельные, с доступом к лучшей медицине. Ни у кого в домах не наблюдается засилье аллергенов: везде очистители воздуха, экологически чистая отделка и мебель. Да и живут они, в основном, за городом. Рублёвка, Новая Рига... сами понимаете.

– И что у них было? Ох!

– Терпите, молодой человек, нечего было весь железный век на себе таскать! Тааак... Вот тут осел еще один диск, в поясничном отделе... Что было, спрашиваете? Да разное. У одной клиентки пару лет назад случился анафилактический шок, прямо в спортзале. Она бесконечно тренировалась, принимала горы биодобавок, гормональные препараты, поэтому грешили на них. Хотя я лично сомневаюсь. Затем у еще одной начался агрессивный системный васкулит.

– И чем все закончилось?

– Спасли. Первой повезло: все произошло в фитнес-центре. Там нашелся грамотный врач, сделал инъекцию адреналина... В общем, обошлось. Вторую лечили в Германии, кое-как вылечили. А вот еще одной не повезло. – Паша отвлекся от спины, обошел мое распластанное на коврике тело и проникновенно заглянул в глаза. – Полгода назад у невестки одной моей клиентки развилось какое-то аутоиммунное заболевание неясной этиологии, по типу энцефаломиелита. Началось с припадка, похожего на эпилептический, стали неметь конечности. Моя клиентка предположила неврологию... Хм... Можно подумать, она в этом разбирается. Вместо того, чтобы срочно везти девушку в больницу, позвала меня. Я не сразу до них доехал, а потом

долго убеждал в серьезности ситуации. В итоге потеряли время. Я их уговаривал немедленно положить невестку в клинику, но они решили везти ее в Вену. В итоге там она и умерла через несколько дней. Диковатая история. Молодая совсем девчонка, к тому же беременная. Вышла замуж незадолго до смерти.

Если доктор в тот момент находился в нирване, то доехал он очень не сразу. Я демонстративно поерзал, напоминая ему о спине. Паша вернулся к своим обязанностям, но не умолк.

– Буквально пару месяцев назад один пожилой мужчина умер от аутоиммунной сосудистой патологии. У него все развивалось не так быстро, но тоже неумолимо. Сын отвез его в швейцарскую клинику, но не помогло: там и скончался.

– Знаете, доктор, я в своей практике наблюдаю похожую картину. Лет шесть назад, когда я только пришел в клинику, разразилась какая-то эпидемия анафилактических шоков, как бы глупо это ни звучало. В основном, кстати, среди женщин. Потом на некоторое время все более или менее успокоилось, но три-четыре года назад к нам вновь стали поступать пациенты с аутоиммунными заболеваниями. Причем с агрессивным, практически злокачественным течением. Не в эпидемическом масштабе, разумеется, но и аутоиммунка – не оспа.

– А вот думается мне, что аутоиммунная вакханалия разразилась неспроста. – Оживился Паша. В очередной раз бросив мою спину, он обежал вокруг меня и проникновенно уставился сверху обезоруживающим взглядом. – Наверняка это побочный эффект омолаживающих вмешательств. Помните, лет пятнадцать назад пришла мода на омоложение стволовыми клетками? Тогдашние звезды массово им увлеклись – и последствия не заставили себя ждать: рак на раке сидел и раком погонял. Теперь новое стареющее поколение пробует на себе новые продвинутые технологии, платит бешеные деньги, а потом расплачивается за эксперименты иммунитетом, если не жизнью.

– Ну, это маловероятно. – Протянул я с сомнением в голосе и в который раз заерзал на полу, напоминая неугомонному доктору о своей спине. – В Вашей собственной практике один из случаев – молодая девушка. Да и среди моих пациентов были люди разного возраста: какое тут омоложение?

– Ну так и молодежь в наше время любит всякие технологии усовершенствования: кто-то работоспособность мозга повышает, кто-то ноги удлинняет. Кто их знает, что они там с собой делают?

Я неопределенно хмыкнул.

– А Вы не интересовались у выживших клиенток, где и как они омолаживались?

Паша грустно вздохнул.

– Разве такое спросишь? Хотя... Можно, пожалуй, полюбопытствовать при случае, в интересах науки. Ну а с Вами, железный дровосек, одним разом мы, боюсь, не обойдемся. Надо бы встретиться еще дней через пять. И сделайте МРТ грудного и поясничного отделов. Есть у меня подозрения насчет грыжи, надо посмотреть.

* * *

На самом деле, мне стало намного легче после первого же Пашиного визита. На следующий день я радостно поспешил на работу – и получил тяжелого пациента с острым системным воспалением. Той же ночью он умер от полиорганной недостаточности, вызванной цитокиновым штормом. Не помогли никакие иммуносупрессоры, и пациент – спортивный, подтянутый и молодо выглядевший пятидесятидвухлетний мужчина – превратился в объект интереса патологоанатомов. Очередная необъяснимая смерть вызвала во мне бессильную ярость – неожиданно для самого себя. Я не готов был раз за разом терять пациентов вот так, на ровном месте, не понимая причин происходящего. Откровенно говоря, я никогда не был к этому готов и не понимал онкологов: что заставляет людей выбирать специальность, практически гаранти-

рующую смерть большинства пациентов?! Сам я к выбору специальности подошел очень осторожно: область должна быть сложной, с большим количеством неизвестных... но не конвейером по трансферу людей из этого мира в загробный. Да, от рассеянного склероза умирают. Но не в течение суток! За последние два года у нас в отделении от острых аутоиммунных заболеваний умерло пять человек. Да еще и Паша со своими историями. Что происходит? Откуда взялась эта биологически невозможная эпидемия?

Умерший пациент оказался владельцем огромного торгового холдинга, практически олигархом. У нас неплохая клиника, но вряд ли он очутился бы здесь, если бы его болезнь не прогрессировала столь стремительно. В том состоянии, в котором он к нам поступил, ему явно было не до бизнес-джетов и европейских госпиталей. Заведующий отделением, энергичный сорокалетний блондин с пухлыми чертами и большими близорукими глазами за толстыми стеклами очков, наотрез отказался общаться с женой умершего.

– Ты успел несколько часов побыть его лечащим врачом, вот и объясняй ей теперь, что беднягу невозможно было спасти. Разговоры с женщинами – твоя стихия.

Деваться мне было некуда. Жена, то есть теперь уже вдова покойного, оказалась стройной ухоженной женщиной с почти неуловимыми признаками пластических операций. Вид у нее был растерянный и испуганный, и ее взгляд неотступно следовал за мной, как будто опираясь на меня.

– Но как это могло произойти?! Он же был вполне здоровым человеком, ни на что не жаловался.

– К сожалению, такое иногда случается: какой-то аллерген запускает резкий иммунный ответ.

– У мужа был... анафилактический шок?

– Нет, у него была не столько аллергическая реакция, сколько гипертрофированный иммунный ответ на какой-то агент.

Вот только какой агент? Я, стреляй меня, не представлял, что могло вызвать у почти олигарха цитокиновый шторм. Внезапно память нарисовала хитро-невинный Пашин взгляд, и я вспомнил его рассуждения на тему «технологий вечной молодости».

– Ваш муж, случайно, не проходил какую-нибудь омолаживающую терапию в течение, скажем, последней пары лет?

Я задал вопрос, не успев подумать, уместно ли задавать его в такой ситуации, однако реакция сидевшей напротив меня женщины оказалась неожиданной. Она вздрогнула и непроизвольно стиснула лежавшие на коленях руки.

– Ннет... Ничего такого не было! Он не... Ну, мы ездили на ежегодные чекапы в Мерано, но никаких омолаживающих терапий не было, нет!

Я не сильно поверил ее торопливым отрицаниям и готов был поклясться, что она испугалась. Но чего? Наверное, тоже прошла какую-то терапию, возможно, такую же, как и муж. Есть чего бояться.

– Вы, главное, не переживайте: одни и те же агенты совершенно по-разному влияют на людей. У всех свой специфический иммунный статус, своя генетика. Вы же сами понимаете, для кого-то половинка арахиса может оказаться смертельной, а кто-то съест банку арахисовой пасты без малейших последствий для здоровья.

Незаметно было, чтобы мои слова хоть немного успокоили новоиспеченную вдову, поэтому я вышел из-за стола, подсел к ней поближе и терпеливо продолжал разговор, стараясь, насколько возможно, переключить внимание ее на менее пугающие темы. Постепенно искаженные страхом черты лица смягчились, и она, наконец, ушла, значительно более собранная и спокойная, чем была в начале нашей беседы. Зато о себе я не мог сказать ничего подобного. Внутри плескалась странная смесь тревоги и любопытства, приправленная знакомым, но редко связанным с работой чувством: где-то на задворках сознания разгорался опасный азарт.

После суток дежурства я сплю как убитый, но в тот день мозг был слишком взбудоражен. Повертевшись некоторое время в кровати в безуспешных попытках заснуть (спина вновь неумолимо напомнила о себе), я, покряхтывая, слез с кровати и побрел на кухню. Переминаясь с ноги на ногу возле кофе-машины, я закладывал в нее капсулу за капсулой. Густая ароматная жидкость неторопливо наполняла огромную бадью, служившую мне кофейной чашкой. Кофе-капсулы – чуть ли ни крупнейшая статья расходов в моем скромном бюджете. Роскошь для меня – это кофе, горное снаряжение и авиабилеты в разнообразные ебеня. Вернувшись в комнату, я бросил неприязненный взгляд в сторону кровати: она виновата, что спина заболела снова. До контакта с матрасом со спиной все было вполне неплохо. Пора менять то ли матрас, то ли саму кровать – и никуда от этого не деться. После долгих ерзаний на стуле я, наконец, устроил ноющую спину более или менее удобно и уставился на экран ноутбука, мерцающий поверх гигантской кружки.

* * *

Невинноглазый Паша вновь не оправдал своей сомнительной репутации и навестил меня не только в обещанный день, но и почти в обещанное время. Стоя у окна, он держал на вытянутых руках рентгеновские снимки с интересом рассматривал их на просвет.

– Все как я предполагал: вот здесь осел межпозвоночный диск, видите? Это уже без пяти минут грыжа. А здесь хрящ поистерся, позвонок опал, и дугоотростчатый сустав скребет корешок нерва.

– Что делать-то? – Спросил я нервно.

– В клинике Вам наверняка предложат операцию, но стабилизировать ситуацию прекрасно можно и без нее. Проколю Вам суис-органный препарат для хрящей и дисков: позвоночник чуть-чуть приподнимется. Но с походами надо потихоньку завязывать, сами понимаете.

– То есть как завязывать? – Я с трудом удержался от того, чтобы не ляпнуть: «Сам попробуй завяжи с алкоголем». – Это мой *modus vivendi*! Я адреналин-зависимый и не могу жить без доли риска. И без активного движения тоже не могу: убью кого-нибудь рано или поздно.

– Активно двигаться можно и без стокилограммового рюкзака, а в соревновательных видах спорта порции адреналина ничуть не меньше, чем при восхождениях. Жесткие контактные виды я Вам не рекомендую, а вот теннис вполне подойдет. У Вас, знаете, и анатомия теннисная: рост, конечности. Два прыжка – и Вы на месте. Какой у Вас рост? Сто девяносто?

– Сто девяносто пять. – Мрачно буркнул я. – Ни разу не держал в руках ракетку. Сколько времени и, главное, денег потребуется, чтобы научиться играть в теннис? На индивидуальные тренировки я точно не зарабатываю. Да и не уверен, что мне понравится. Никакой теннис не сравнится с хорошим походом по Карелии или подъемом на Безенги. Нет, с такими вещами нельзя расстаться.

Паша развел руками.

– В же понимаете, Филипп, расстаться все равно придется. Вопрос в том, сделаете ли Вы это сами, либо за Вас это сделает Ваш позвоночник. И второй вопрос: в каком состоянии Вы останетесь после расставания? Я, конечно, постараюсь починить починяемое. И при разумном к себе отношении про спину Вы сможете надолго забыть. Но если не поменяете хобби на более безопасное, выбирать впоследствии придется не между плаванием и теннисом, а между вариантами позвоночных имплантатов. Ну ладно, довольно триллеров, укладывайтесь на коврик.

Я немедленно подчинился. Уткнулся лбом в пружинистую поверхность коврика для йоги, я размышлял над невеселым перспективами, которые живописал Паша.

– Что-то Вы загрустили. – Констатировал он после нескольких безуспешных попыток втянуть меня в легкую беседу. – Расстроились из-за хобби?

– Да нет, просто задумался о недавнем происшествии на работе. Буквально на следующий день после Вашего визита у меня умер пациент. Мужчина, пятьдесят два года, полиорганная недостаточность, спровоцированная цитокиновым штормом. Никакой аллергии, никакой астмы в анамнезе, никаких аутоиммунных заболеваний.

– Вот как? – Заинтересовался доктор. – Я, кстати, ездил на неделе к той своей клиентке, которая чуть не умерла. И знаете, по ходу разговора представилась-таки возможность затронуть тему омолаживающих процедур.

К тому времени я достаточно хорошо понимал Пашу и знал, что возможность не могла не представиться: доктор был способен разговорить мертвого.

– И какие выводы? – С любопытством спросил я и тут же пожалел о своей поспешности: Паша бросил мою спину и подался вперед, чтобы заглянуть мне в глаза.

– Думаю, я был прав. Она примерно в то время проходила какой-то комплекс процедур под кодовым названием «эйдж-менеджмент». Они с мужем хотели ребенка, но на тот момент ей было около сорока четырех лет.

– Гормонотерапию?

– Что-то другое. Честно говоря, она далека от медицины и не способна толком рассказать о своих экспериментах. Но речь явно шла не только о гормонотерапии.

– А в результате?

– В результате – анафилактический шок. Тааак, лицом ко мне повернитесь, ногу согните в колене... Вот так его! Теперь опять на живот. Она не связала эти два события между собой, но лечение прекратила, потому что ее тогда на время отлучили от любых вмешательств, во избежание рецидивов. А ребенок у них с мужем, кстати, появился полтора года назад. Родила суррогатная мать, но девочка точно ее: такого сходства между матерью и ребенком еще поискать.

– После нашего разговора я тоже решил спросить у вдовы умершего позавчера пациента, не увлекался ли ее муж омоложением.

Паша, двинувшийся было в сторону спины, тут же повернул обратно.

– И что он с собой делал?

– Не знаю, жена не призналась, даже отрицала какое бы то ни было вмешательство. Но она испугалась, Паш, я совершенно отчетливо это увидел. Думаю, они «омолаживались» вместе, и теперь она, затаив дыхание, ждет последствий. Я предложил ей лечь к нам на несколько дней на профилактику. Мы бы ее прокапали, чтобы удалить из организма потенциальный аллерген или токсин. Но она отказалась.

– Вообще интересно было бы увидеть статистику острых аутоиммунных заболеваний, но вряд ли это возможно. При случае я, конечно, спрашиваю своих клиентов: они возвращаются в замкнутом кругу, многие друг друга знают, может, что-то и выплывет.

– А зачем?

– Отчасти из праздного любопытства, отчасти из здорового исследовательского интереса. Так, на сегодня все, молодой человек. Лучше всего будет полежать минут сорок. А в следующий раз неплохо бы увидаться через четыре-пять дней. Как у вас с дежурствами?

Глава 2

Дания

Очень редко, но все же встречаются люди такого обаяния, что после пары минут общения с ними все твои нерушимые принципы летят к черту. Если тебе повезет, ты их не заинтересуешь, и тогда у тебя есть шанс сохранить свою личность в относительной целостности. Но если истинный харизматик попросит тебя солгать, украсть, смошенничать и даже просить милостыню, ты со счастливой улыбкой бросишься выполнять его просьбу. По счастью, таких людей почти нет. За всю свою жизнь я встретила только одного, и этот человек вдруг прислал мне в Ватсап короткое сообщение: «Данька, привет, это Филипп. Можешь позвонить, когда будешь свободна?». Вот так, без всяких «твой бывший однокурсник», возможно ты помнишь», «не знаю, узнаешь ли ты меня по аватарке» – и так понятно, что я помню и узнаю. У нас на курсе (а может и во всем Первом меде) в Филиппа были влюблены все. Те, кто уверял, что он им не нравится, врал: Филипп не мог не нравиться.

В перерыве между пациентами я быстро ответила: «Привет, позвоню вечером, после приема», с трудом подавив желание немедленно набрать его номер. Неужели он меня вспомнил? Зачем я ему понадобилась? Как он меня нашел? Мы никогда тесно не общались, лишь пересекались время от времени в шумных студенческих компаниях. Конечно, я его обожала, как все, но делала это на почтительном расстоянии. В те времена мне совершенно нечего было ему предложить, я ничем не выделялась из своих ровесниц. Позже мы несколько раз виделись на вечерах встречи однокурсников. Я знала, что он ревматолог в хорошей частной клинике. А я репродуктолог, наши профессиональные интересы не пересекаются. Зачем я ему понадобилась?

Работа не оставила мне времени на бесплодные гадания. Но в конце дня я набрала его номер, изнемогая от любопытства.

– Привет, Филипп, это Дания.

– Данька, привет! Спасибо за звонок, дорогой друг. – Его голос звучал совсем как раньше: одновременно мягко и дерзко. Слушала бы и слушала. – Мне очень нужно с тобой посоветоваться по профессиональному, надеюсь, вопросу.

– Что значит «надеюсь»? Либо по профессиональному, либо нет.

– Долгая история. Есть время в ближайшие дни?

– Надо посмотреть расписание. Тебе когда удобно?

– Как захочешь. Я подстроюсь. Слушай, а сегодня не сможешь, оппортунистически?

В этом был весь Филипп: сделаем, как тебе удобно, но вдруг тебе удобно, когда и мне.

– Ну... у меня рабочий день практически закончен, я собиралась через полчаса выдвигаться домой. Если успеешь за это время подъехать на Баррикадную, то можем и сегодня. Допустим, в «Шоколаднице». Подходит?

– Конечно! Буду через двадцать минут: я тут рядом практически, на Маяковке.

* * *

Ровно в 19.00 я вышла из клиники навстречу раннему майскому вечеру, теплому и беспечному. Весна в этом году была поздняя, еще вчера адски холодный ветер гонял по улицам шелуху едва распустившихся почек. А сегодня, несмотря на вечер, мне было жарко в расстегнутом пальто. Город приготовился к весенней симфонии, к триумфальному шествию мая.

Мне не потребовалось много времени, чтобы выискать Филиппа среди посетителей. Светлая кудрявая голова за столиком у окна, обращенная в сторону входа, выделялась на фоне разношерстных макушек и затылков, чьи владельцы лениво копались в смартфонах или рассеянно смотрели в окна. Пробираясь между столиками, я с удивлением поймала себя на скромной гордости: самый красивый мужчина из присутствующих ждет именно меня. Господи, Даня, студенческие годы давно позади, ты замужем и мать двоих детей! Откуда подростковые эмоции?

Филипп выбрался из-за столика и выпрямился во весь свой громадный рост.

– Привет, коллега! – Официально произнес он и тут же обнял меня, совершенно не официально. Затем чуть отстранился и осмотрел с головы до ног смешливым темно-серыми глазами. – Ты стала еще лучше, чем была.

Филипп всегда умел, не рассыпаясь в комплиментах, дать девушке понять, что она особенная. Возможно, в него влюблялись не только за красоту, но и за искренний интерес, с которым он смотрел на всех, с кем общался, даже мимоходом.

– Просто похудела на пару килограммов с тех пор, как мы виделись в последний раз. – Зачем-то объявила я и смущенно перевела разговор в «деловое» русло.

– Так что за профессиональный вопрос?

– Сейчас всё расскажу. – Он дождался, пока я сяду, и устроился напротив, не без труда втиснув неприлично длинные ноги под столик.

– Что ты будешь?

– Облепиховый чай.

Он обернулся к стоявшей наготове девушке-официантке, не отрывавшей от него зачарованного взгляда.

– Можно попросить у Вас облепиховый и два двойных эспрессо?

– Два двойных?! – Ахнула я. – Похоже, скучный разговор нам предстоит.

Филипп ухмыльнулся.

– Тема интересная, но мне пришлось ночь не спать, чтобы подготовиться к разговору.

Дружелюбная ухмылка сменилась сосредоточенностью, а серые глаза в тени густых ресниц потемнели. Кудрявая шевелюра, обрамляющая рыцарское лицо, казалась неуместной, но от нее сложно было отвести взгляд. Я боролась с желанием протянуть руку и убрать с Филиппового лба капризную пшеничную прядь. Черты его лица были не так уж совершенны: надбровные дуги выдавались вперед, а верхняя губа казалась слишком тонкой. В профиле улавливалось что-то орлиное, и белозубая улыбка производила впечатление хищной. Но, странным образом, несовершенства лишь добавляли ему притягательности.

Поддавшись давнему студенческому мороку, я никак не могла сосредоточиться на его словах. Лишь постепенно смысл истории стал проникать в мое сознание.

– Все это очень странно. Факты сыплются со всех сторон. У нас в клинике за последние три года было несколько случаев острых аутоиммунных заболеваний. Они не идентичны друг другу, но общие черты все же видны: очень агрессивное начало и быстрое течение. Вначале мы с ними как-то справлялись, а потом начались смерти. Что бы мы ни предпринимали, болезнь прогрессировала, и за четыре-пять дней мы теряли пациентов. Счет, конечно, идет не на сотни, но девять случаев попадает в эту категорию. Не все, кого мы диагностировали, лечились у нас, некоторые уезжали в Штаты, в Германию. Поэтому судьбу части пациентов я не знаю. Но, судя по клинической картине на момент диагностики, она незавидна.

– У всех одно и то же заболевание?

– Разные, в том-то и дело. Были и острые геморрагические васкулиты злокачественного течения, и энцефаломиелит Марбурга, и острый геморрагический лейкоэнцефалит. Общее между ними – крайняя злокачественность.

Я поежилась.

– Ужас. Но... чем я могу помочь? У нас в клинике нет иммунологии, только репродуктивная медицина, клиническая косметология и эйдж-менеджмент.

– Когда увидишь полную картину, сама поймешь, почему я хочу с тобой посоветоваться. В общем, я попытался разобраться, насколько проблема распространена, и начал обзванивать коллег.

– В других клиниках тоже бушует «эпидемия» аутоиммунки?

Филипп кивнул.

– Я пообщался с коллегами из двух частных клиник с сильной ревматологией и иммунологией. Сама знаешь, по этому направлению частные клиники работают редко, в основном занимаются лечением аллергий, АСИТ-терапией, в общем, самыми востребованными темами. Но в «Медике-N» и «Вест-меде», например, ведут больных с рассеянным склерозом, системной красной волчанкой и другими тяжелыми аутоиммунными заболеваниями. В обеих клиниках ситуация похожа на нашу, правда, цифры у них скромнее. Но картина та же: первая волна началась лет шесть назад, затем ненадолго схлынула, а где-то через полтора-два года накатила следующая. И если в первую волну пациентов в большинстве случаев удавалось вылечить, то во вторую – смертность стопроцентная.

– Очень странно.

– Именно. Но и это еще не все. На днях я познакомился с врачом-неврологом, который подрабатывает реабилитационным массажем. И некоторые из его клиентов столкнулись с той же проблемой. Доктор, надо сказать, странноватый: несмотря на долгий стаж в военном госпитале, иногда кажется, что он немного не в себе. Но так часто бывает с одаренными интуитами, а он как раз такой.

– И что ему подсказала интуиция? В чем причина «эпидемии»?

Филипп улыбнулся своей обаятельной ироничной улыбкой.

– Вот ты и вычислила автора гипотезы.

– Это несложно: твой монолог заострен на этом персонаже.

– Не хочешь развить свои выводы?

– Давай попробуем. Поскольку тебе понадобился совет репродуктолога, среди пациентов есть женщины, лечившиеся от бесплодия.

Красивое лицо отразило удивление.

– Слушай, мне даже в голову не пришло, что в репродуктивную медицину тоже могли закрасться непроверенные методики. По мнению Паши, «эпидемия» аутоиммунных заболеваний связана с применением каких-то омолаживающих технологий. Я искал специалиста по эйдж-менеджменту, но среди моих таких нет. Наш однокурсник подсказал, что ты работаешь в анти-эйдж клинике. А я вспомнил, что у тебя красный диплом. Если с кем и советоваться, то с тобой. И я не ошибся, как видишь.

Филипп умолк, задумчиво поглаживая рукоятку ножа красивыми сильными пальцами.

– И ты, похоже, права. Одна наша пациентка на момент поступления в клинику проходила какую-то терапию, нацеленную с повышение фертильности. А Паша рассказывал о совсем молоденькой беременной девушке в семье его клиентки, умершей от аутоиммунного энцефаломиелита. На первый взгляд, темы не связаны, но кто его знает?

В моей голове начали всплывать обрывки воспоминаний.

– Ты знаешь, Фил, у меня самой года четыре назад была пациентка, которая безуспешно прошла через несколько протоколов ЭКО. Мне никак не удавалось получить ее собственные жизнеспособные яйцеклетки, а от донорских она отказывалась. Эти бесплодные во всех смыслах попытки ей надоели, и она на время исчезла. Потом появилась вновь где-то через полгода, очень довольная. Ее гормональный статус изменился радикально. Вместо женщины на пороге менопаузы я увидела показатели фертильной девушки. Я даже раздумывала, не сделать ли ЭКО в естественном цикле, но в итоге она вновь исчезла. Помимо меня, она была пациенткой и

нашего врача-косметолога. От косметолога я и узнала, что у нее случился то ли анафилактический шок, то ли аутоиммунное заболевание. Больше я ее не видела.

Филипп слушал, не перебивая.

– Любопытно. Ты не помнишь, как ее звали?

– Нет, но могу посмотреть, если ее медкарта сохранилась в базе данных. Вот только зачем это тебе?

– Пока просто хочу собрать как можно больше инфы о таких случаях и увидеть максимально полную картину. Проблема в том, что пациенты крайне неохотно рассказывают о своих медицинских экспериментах, а врачи столь же неохотно рассказывают о пациентах. И никаких публикаций по этой теме я не нашел. Зато в процессе поиска выяснилась одна странность.

Филипп невинно умолк, а я внезапно ощутила внутри легкий трепет – предвкушение тайны. Чего-чего, а тайн в моей жизни давно уже не было.

– Ну? Не тяни! – Потребовала я.

Филиппа явно развлекало мое нетерпение.

– Пообщавшись со всеми коллегами, до которых сумел добраться, я обнаружил, что абсолютное большинство случаев пришлось на дорогие частные клиники. Ни в НИИ ревматологии, ни в других крупных государственных иммунологических клиниках никакой «эпидемии» аутоиммунки не было и в помине. Страдают от нее только очень состоятельные люди. После каких, интересно, процедур они оказываются на больничных койках?

Я задумалась. Предположения Филиппа, даже не подкрепленные серьезным фактическим материалом, вовсе не выглядели абсурдными.

– Не представляю, какие медицинские манипуляции могут привести к таким последствиям. В своей практике мы точно не сталкивались с аутоиммунными заболеваниями. Та клиентка, о которой я упоминала, лечилась где-то еще. А что, кстати, с демографией заболеваний?

К моему удивлению, Филипп потянулся за айпэдом и протянул его мне через стол.

– Вот расклад по известным случаям.

На экране раскрылась табличка Excel.

– Хм... Ты заморочился не на шутку.

– Всего одна бессонная ночь.

Но я-то знала: методичная обработка фактов совершенно не в его характере. Я это поняла еще на практике на первых курсах, когда мы работали в паре. Практическую часть можно было смело доверить ему: он мастерски вскрывал мышей и лягушек, мог извлечь любой крохотный орган без малейших повреждений, а на больничных практиках был просто богом. Но как только дело доходило до обработки результатов, наш бог начинал скучать и ошибаться, поэтому за анализ данных всегда отвечала я. И вдруг – таблица в Excel. Прищурившись, я вглядывалась в цифры, а Филипп, перегнувшись через стол, комментировал, водя пальцам по строкам. Время от времени его неумные пряди касались моего лба.

– Вот смотри: здесь девять наших пациентов, и еще семнадцать из других клиник, о которых рассказали коллеги. Еще я включил два Пашиных случая: одной женщине помог врач в фитнес-центре, и она потом в больницу не ложилась, а вторую увезли в Вену. Получается, мы знаем о двадцати восьми случаях примерно за последние шесть лет. Гипотетически, коллеги могли что-то забыть, но я сомневаюсь: очень уж заметные истории на фоне нашей рутины. Как видишь, первые девять случаев пришлось на первый год «эпидемии». Большинство – женщины, хотя есть и мужчины. Возраст колеблется от тридцати пяти до пятидесяти пяти лет. Большинство пациентов выжило, кстати. Затем наступает пауза, примерно на год. А дальше картина меняется: за последние полтора года на больничных койках оказывались и мужчины, и женщины, и возрастной разброс заметно вырос. А смертность стала стопроцентной.

Я всматривалась в мелкие цифры на экране, и мне становилось все больше не по себе.

– Очень странно.

– Вот именно. И ведь это только та статистика, которую мне удалось собрать. Как ты понимаешь, я не мог пообщаться со всеми коллегами-иммунологами. Вполне возможно, такие случаи были не только в Москве. Состоятельные люди из провинции часто выбирают московские клиники, а затем возвращаются в свои города и с последствиями сталкиваются уже там.

– Собрать все данные вряд ли в твоих силах.

– Совершенно верно. Поэтому я хочу пойти обратным путем.

– Это как?

– Найти общее хотя бы для нескольких известных случаев и через него попытаться выйти на неизвестные.

– И тебе все это нужно... зачем?

Во взгляде Филиппа мелькнула ирония.

– А как ты думаешь? Во-первых, я врач и не люблю терять пациентов. Во-вторых, в этой истории не все в порядке, и мне хотелось бы понять, что происходит, пока дело не приняло совсем уж грозный оборот. В-третьих, у меня есть несложные карьерные амбиции. Не каждый день представляется шанс разобраться с причинами, скажем так, смертельно опасного явления.

– Убедительно. Ладно, карьерист, постараюсь тебе помочь. Посмотрю истории болезни в нашем отделении и поговорю с ребятами из эйдж-менеджмента.

Филипп торжественно кивнул.

– Спасибо, Дань, ты настоящий друг. Теперь, когда официальная часть закончена, может, выпьем что-нибудь поинтереснее чая?

Я покачала головой, удивившись внезапному чувству легкого сожаления.

– Не могу, я за рулем.

– Оставь машину здесь и поезжай на метро. – Беспечно предложил Филипп.

– На метро неудобно добираться, я живу далеко от всех станций.

– Это где?

– В Покровском-Стрешнево, на Береговой улице, если это тебе о чем-то говорит.

Филиппа удивленно приподнял бровь.

– Как ни странно, говорит. Заповедник для тех, чья жизнь удалась. Был там однажды в гостях. Ну тогда поезжай на такси.

Я задумалась. Почему бы и нет, на самом деле? В конце концов, часто ли удастся встретиться с институтскими приятелями? Мужу, конечно, не понравится мое запоздалое возвращение домой... Но ведь не факт, что он сам придет рано. Денис нередко возвращается ближе к одиннадцати. Наверняка я буду дома до его прихода.

– Ну хорошо. Машина все равно на стоянке возле клиники, за нее волноваться не приходится. Я только позвоню няне, попрошу, чтобы она самостоятельно уложила детей.

Пока я инструктировала няню, Филипп посматривал на меня с дружелюбным любопытством.

– Дети, няня, квартира на Береговой, любимая работа в классной клинике... Ты врач высшей категории?

– Да. Но, пока дети маленькие, работаю только два дня в неделю.

На лице Филиппа отразилось явное удивление.

– В студенческие годы карьеристкой была как раз ты. И вдруг – два раза в неделю.

Я поняла, что слегка разочаровала его своими скромными амбициями, и это меня почему-то задело.

– Ситуация временная. Еще год, максимум два – и начну работать в полную силу. А пока и мужу, и мне так спокойнее.

– Ну отлично. Тебе, похоже, удалось построить идеальную жизнь.

– Идеал недостижим, ты же знаешь, но я изо всех сил к нему стремлюсь.

– Для тебя вполне может оказаться достижимым. – Рассмеялся Филипп. – Сколько у тебя детей?

– Двое, одному – шесть, второму – четыре.

– Не такие уж и маленькие. Ты с ними до школы собираешься сидеть?

– Посмотрим.

– А муж тоже врач?

Я покачала головой.

– Начальник службы безопасности крупного торгового холдинга.

– Любопытно. Где пересеклись ваши пути?

– В аэропорту.

– Похоже на приключение. Вы ровесники?

– Он старше меня на двенадцать лет. А ты женат?

Филипп, успевший заказать два бокала вина, поблагодарил официантку широкой улыбкой. Она нежно улыбалась в ответ, вглядываясь в его лицо туманным взглядом, и не спешила уходить. Дождавшись, пока девушка все же найдет в себе силы переключиться на других клиентов, он поднял бокал и осторожно прикоснулся им к моему.

– Рад тебя видеть, Данька! Ты всегда приносишь светлое аполлоническое начало в дионисийский хаос моих будней.

– Какая неожиданная торжественности речи. Раньше за тобой такого...

Но заметив ироничные искорки в его взгляде, я расхохоталась.

– Да ну тебя! Так ты не ответил на мой вопрос: ты женат?

Филипп беззаботно отмахнулся.

– Был когда-то. Но мы развелись два года назад, по ее инициативе.

– А дети есть?

– Сын, живет с мамой.

– И сколько ему?

– Четыре года.

Филипп непринужденно перевел разговор на что-то другое, а я не делала попыток удержать его на теме личной жизни. Отголоски этой истории доносились до меня через общих знакомых. Его фраза о дионисийском хаосе была не такой уж и шуткой. Филипп, каким я его знала по Сеченовке и по рассказам его друзей, всегда любил безбашенный образ жизни. Буйные студенческие вечеринки чередовались с экстремальными похождениями в какой-то глуши. Мало какая женщина способна разделить с ним его интересы. Но и работе он умел отдаваться с головой, мог сутками не выходить из клиники и не думать ни о чем, кроме очередного интересного случая. С такой работой и хобби времени у него оставалось немного, и он целиком посвящал его женщинам. Филипп влюблялся страстно, но ненадолго, а его жизненный путь был усыпан разбитыми сердцами. К счастью для меня, легкая студенческая влюбленность в Филиппа не переросла во всепоглощающую страсть, но кто-то менее осторожный должен был попасться в ловушку. Наверное, девушка забеременела, и Филипп – человек по сути своей порядочный – на ней женился. Женился, но образ жизни менять не собирался и семьянином не стал. Девушка держалась, сколько могла, но потом ей, видимо, все надоело. Возможно, она просто хотела припугнуть его разводом, рассчитывая удержать с помощью ребенка, а он с благодарностью ухватился за опрометчивый шантаж.

– Эй, Дань, ты где? В мыслях уже дома? – Донесся до меня голос Филиппа.

– Что?.. Извини, задумалась.

– Я так и понял: взгляд у тебя подозрительно затуманился. – Усмехнулся он. – Я говорю, медицинская технология, способная раз за разом провоцировать стремительные аутоиммунные заболевания, должна быть просто революционной, как бы извращенно это ни звучало.

Сама подумай: вот как можно до такой степени взбудоражить иммунную систему, чтобы она растерзала организм буквально за несколько дней?

– Но ведь анафилактический шок...

– Это не одно и то же. – Настоячиво перебил меня Филипп. – Анафилаксия – немедленная спонтанная аллергическая реакция, причем совершенно непредсказуемая. Кстати, и ее-то спровоцировать намеренно можно лишь в случае, если у человека уже был прецедент, и ты точно знаешь, какой агент ее вызвал. У каждого человека свои триггеры, и чем можно добиться таких... ммм... устойчивых результатов, я понятия не имею.

– А я тем более: никогда не была сильна в иммунологии, в институте она прошла мимо меня. – Бросив взгляд на часы, я засуетилась. – Фил, мне пора.

– Конечно. Вызывай такси, а я пока расплачусь. И спасибо за спонтанность.

Он, конечно, имел в виду нашу спонтанно организованную встречу, но фраза мне почему-то польстила. Услышав слов «счет», юная официантка погрустнела. А когда мы встали из-за стола, проводила нас недоумевающим взглядом. Двухметровый Филипп возвышался над моими ста шестьюдесятью пятью сантиметрами, как монументальная статуя Аполлона над глиняной амфорой, и хотя он шел, соизмеряя свои шаги с моими, мне все равно казалось, что я суетливо семеню по гладкому полу. Филипп дождался такси и на прощание по-дружески прикоснулся губами к моей щеке. От него пахло чем-то горьковато-свежим, и мне вдруг вспомнилась летняя степь в Поволжье, куда я каждый год ездила к бабушке на каникулы. От Филиппа пахло свободой и летом. Я прекрасно понимала и его несчастную жену, и погрустневшую официантку, и множество других женщин, в чьей жизни он появлялся хотя бы на несколько минут.

* * *

Добравшись, наконец, домой, я обнаружила, что мне сочно не повезло: Денис редко возвращался домой раньше меня, но именно в тот вечер уже был дома. Я поспешно ринулась на кухню и засуетилась с ужином, а Денис устроился за кухонным столом и некоторое время молчал, бросая на меня испытующие взгляды.

– Как-то ты поздновато сегодня. – Произнес он нейтральным тоном.

– Встретились ненадолго с коллегой, нужно было обсудить рабочие моменты. Я, вроде, не засиделась. Думала, успею приготовить ужин к твоему приезду.

Поймав себя на попытках оправдаться, я закусила губу: оправдания лишь подчеркивали его власть над собой.

– Могла бы предупредить заранее о своих планах на вечер.

– Да не было у меня никаких планов! Все получилось спонтанно.

– Бывает. – Денис пожал плечами и добавил небрежно, глядя мимо меня в окно. —

А коллега – мужчина или женщина?

– Денис, ну какая разница? Говорю же, обсуждали профессиональный вопрос.

– И все же?

– Коллега – мужчина, бывший однокурсник. – Я тут же пожалела о том, что сказала: Денис откровенно не любил мое, как он считал, бурное институтское прошлое. Мы познакомились с ним намного позже, и он понятия не имел, каким это прошлое было на самом деле. Но Денис всегда с раздражением относился к тому, что не мог контролировать. Я представила себе его реакцию, если бы он лично знал Филиппа, и мысленно вздохнула с облегчением. Вообще Денис был прекрасным мужем, но склонность к безосновательной ревности сильно осложняла мне жизнь.

– И что же это был за срочный вопрос?

– Тебе правда интересно знать? Окей. Он иммунолог, хотел узнать, не сталкивались ли мы в клинике со случаями острых аутоиммунных заболеваний неясной этиологии. Удовлетворен?

– А почему он именно в твоей клинике искал эти случаи?

– Да не в моей! Во всех клиниках, одной за другой. Он собирает статистику.

Кое-как мне удалось закончить тему, грозящую потенциальной ссорой, и переключить внимание на его собственный день. Тем не менее, настроение испортилось, и я с облегчением вздохнула, когда настало время ложиться спать. В постели наши ссоры с Денисом обычно затихали, так случилось и на этот раз. Вскоре мой муж погрузился в безмятежный сон, но мне заснуть не удавалось. Привстав на локте, я долго рассматривала знакомые черты и размышляла о том, как причудливо может смешиваться в человеке хорошее и плохое. Денис был надежным, заботливым и сексуальным, любил наших мальчишек, наш дом и равнодушно относился к загульным вечеринкам. Он много работал и стремился к тому, чтобы наша жизнь была максимально комфортной. Но беспричинная ревность и вспышки гнева с каждым годом тяготили меня все больше. Я никогда не давала для них повода, однако попытки оправдаться за несовершенные проступки почему-то вошли у меня в привычку.

Осторожно выбравшись из-под одеяла, я прокралась к двери, бесшумно прикрыла ее за собой и вздохнула с облегчением: пусть я не выплусь и проведу завтрашний день в туманном мареве, но зато сейчас у меня есть пара часов наедине с собой. Заварив новую порцию мгновенно проясняющего мозг Даржилинга, я переместилась в гостиную, забралась с ногами на диван и открыла ноутбук.

Филипп

Хотя Данька не сказала ничего принципиально нового, встреча с ней вызвала во мне прилив энергии. Она изменилась с тех пор, как я видел ее последний раз: похудела, подтянулась, от природы мягкие черты лица заострились – и ей это шло. Данина одежда производила впечатление стильной и дорогой, а в ушах поблескивали красивые камни, очень похожие на бриллианты. Я не видел ее машину, но не сомневался, что она тоже элегантная и дорогая. Похоже, серьезный Данькин муж-безопасник ее любит и опекает. Это, впрочем, неудивительно: наверняка многие хотели бы оказаться на его месте. В свои тридцать с небольшим лет она успела больше, чем многим удается сделать за всю жизнь. И уж точно больше, чем удалось мне.

Я вдруг по-новому взглянул на свое спартанское жилище, которое до недавнего времени меня вполне устраивало. Казалось бы, какие потребности могут быть у человека, который семьдесят процентов своего времени проводит на работе, а еще двадцать – в походах и восхождениях? И все же... Сначала спина напомнила мне, что спальное место могло быть и поудобнее. Затем уверенная, излучающая благополучие Данька заставила задуматься, все ли я в своей жизни делаю правильно. Я достаточно амбициозен, но до сих пор мои амбиции были направлены, в основном, на практическую медицину. Возможно, пора подумать о научной работе и публикациях в хороших журналах, а в перспективе – о том, чтобы дорасти до заведования. Тогда мне не придется выбирать между новым снаряжением и новым матрасом. Успешное исследование темы странной аутоиммунной «эпидемии» вполне может в этом помочь.

Вот только как к нему подступиться? Мне явно не хватало научной глубины знания темы, и чем дольше я раздумывал, тем яснее осознавал: нужно поговорить с кем-то, кто понимает природу аутоиммунных заболеваний лучше меня. Врач я, допустим, неплохой, но врачи – это токари от биологии. Нужно найти ученого-иммунолога, который подскажет, в каком направлении думать. Я открыл в телефоне список контактов и принялся медленно листать его, буква за буквой.

* * *

Когда Данька позвонила через два дня, ее голос вибрировал от возбуждения.

– Привет, Филипп, я, кажется, нашла кое-что интересное!

– Новых пациентов с аутоиммункой?

– Нет, другое. Хотя, возможно, мои находки никак не связаны с эпидемией аутоиммунки.

– Какие находки?

– Давай не по телефону: я на работе сейчас, и ты, наверное, тоже. И вообще хочу тебе кое-что показать.

– Можешь сегодня вечером? До завтра я не дотяну: взорвусь от любопытства.

Данька хмыкнула на другом конце телефонной реальности.

– Я тоже не дотяну. В том же кафе устроит тебя?

– Вполне. Только я приду не один.

– В смысле?..

– Мне нужна научная консультация ученого-иммунолога. Серега, мой приятель-походник и выпускник биофака, порекомендовал своего бывшего однокурсника. Он аспирант, работает в Институте молекулярной биологии. Мы договорились на сегодня, но раз все так удачно складывается, встретимся втроем и устроим мозговой шторм.

– Ну если ты уверен... – В голосе Даньки звучало сомнение.

– Не сомневайся! – Заверил я ее. – По отзывам друга, этот парень гений. За один вечер освоишь годовой курс иммунологии, которая, как ты сама сказала, в институте прошла мимо тебя.

– Ладно, убедил. – Сдалась Данька.

* * *

Вечер был настолько теплым, что я без колебаний устроился за столиком на веранде. Переглядываясь с хорошенькой официанткой, я невольно впитывал звуки и запахи весеннего города. Черт, как бы здорово было на выходные закатиться в поход! Но непреклонный Паша запретил мне даже думать о походах на ближайшую пару месяцев. И как мне отдыхать теперь? Жизнь без хорошей физической нагрузки на природе – не жизнь. Размышляя над неудачным стечением обстоятельств, я отвлекся от созерцания входа. Внезапно надо мной вдруг нависла долговязая фигура.

– Филипп? Я Марк.

Я поднял глаза: перед столиком стоял высокий молодой человек, темноволосый и очень худой. Цепкий взгляд карих глаз из-за толстых стекол очков придавал его лицу серьезно-интеллектуальное выражение. Едва увидев Марка, я понял, что буду верить каждому его слову: он выглядел как будущий нобелевский лауреат. Его очевидная молодость странным образом контрастировала со строгими чертами лица и упрямо сжатым ртом. Я вылез из-за столика и протянул ему руку.

– Марк, спасибо за готовность помочь. Моей компетенции не хватает для понимания ситуации. Кстати, может перейдем на «ты»?

Застенчивая улыбка совершенно преобразила серьезно-интеллектуальное лицо, и сразу стало очевидно: будущая звезда иммунологии скромна и стеснительна.

– Давайте на «ты», с удовольствием. Сергей мне коротко описал проблему. Вы врач-иммунолог и столкнулись с какой-то загадочной болезнью на работе, так?

Не успел я ответить, как на веранде появилась Даня... Она и в прошлый раз выглядела интересно, но сегодня была так хороша, что я не сразу узнал ее. Ей удивительно шло ее красное платье, частично скрытое под джинсовой курткой.

Я повернулся к Марку, чтобы представить ему Даньку, и обнаружил, он неотступно следует за ней взглядом. Выражение лица будущей звезды иммунологии не оставляло сомнений, что красное платье произвело впечатление не только на меня. Я помахал ей рукой и, когда она подошла к нашему столику (Марк вскочил, едва не опрокинув стул), со всей серьезностью представил их друг другу. Данька с улыбкой протянула Марку руку, и тот пролепетал робкое приветствие. Однако тонкая кисть с длинными пальцами долго не отпускала компактную Данькину ладонь.

Впрочем, краснел и заикался Марк недолго: как только мы заговорили о деле, всю его застенчивость как рукой сняло. Он вновь стал восходящей звездой науки, а для меня настала очередь тарашиться на него с приоткрытым ртом.

– Вы сами прекрасно понимаете, что искусственно вызвать аутоиммунное заболевание или хотя бы аллергическую реакцию практически невозможно. Если, конечно, у человека нет тяжелой аллергии на известные агенты. Но факты настораживающие, с этим я согласен. В вашем списке больных трудно увидеть какую-то закономерность: у них разный пол, разный возраст, разный анамнез, насколько можно об этом судить. Если они все подверглись действию нового агрессивного агента, то где такие разные люди могли с ним столкнуться? Где тот единственный знаменатель, за который можно зацепиться?

Марк внимательно рассматривал собственные пальцы, отбивавшие дробь по столу.

– Давай попробуем подойти к проблеме с другой стороны. – Произнес он, наконец. – Что бы ты сделал, если бы требовалось запустить аутоиммунную реакцию?

– Я... Ну... Понятия не имею. А ты?

– Наверное, спровоцировал бы у человека острый воспалительный процесс и на пике воспаления ввел бы какой-нибудь агрессивный агент. К примеру, аллерген, безобидный вирус или аллогенный трансплантат.

– И?

– И ничего бы не произошло, на первый раз. Но вот если ввести человеку тот же агент во второй раз, то появится, скажем так, шанс вызвать жесткий иммунный ответ организма.

– То есть ты бы имитировал механизм возникновения аллергических реакций?

– В целом, да. Главный вопрос – какой именно агент ввести и какую воспалительную реакцию вызвать. Если на первой стадии сенсibilизируется, допустим, кровеносная система, то она, скорее всего, и отреагирует при повторном введении агента. Если поначалу зацепило миелиновые оболочки, то именно они и пострадают повторно. Но все это, как вы понимаете, не более чем догадки.

Марк переводил внимательный взгляд с меня на Даню, и на ней агатовые глаза каждый раз задерживались дольше.

– Звучит логично. – Осторожно произнесла Даня. – Но честно говоря, такая... как ее назвать-то? Биотехнология?... представляется мне безумно сложной.

– Почти невероятной. – Согласился Марк. – Но люди заболевают и умирают, вопреки вероятности. Такие почти невозможные, но упорно повторяющиеся у разных людей заболевания вряд ли случаются независимо друг от друга. А значит, между жертвами условной эпидемии должно быть что-то общее. Найдите общий знаменатель – и узнаете ее причины.

– Честно говоря, пока мы ничего общего между ними не увидели, кроме одного: практически все – пациенты дорогих частных клиник. – Я извлек из сумки свой потрепанный ноутбук. – У меня есть список больных с самыми общими данными (пол, возраст, характер заболевания). Можешь взглянуть?

Марк кивнул и с интересом уставился в монитор. Мы с Данькой молча следили за выражением его лица, которое не выдавало никаких эмоций.

– Да, странно. – Резюмировал он, наконец. – Часть случаев можно разбить на подгруппы, но вывести общий знаменатель для всех не получается. И тем не менее, связь есть. Ее не может не быть. Если дело не в возрасте, поле и анамнезе, значит, в чем-то другом.

– Кстати... – Я обернулся к Дане и понял, что ей холодно: она сидела, вжавшись в кресло и обхватив руками плечи. Я собрался было ее обнять, но вспомнив, какое впечатление она произвела на Марка, поспешно опустил руку. Вместо этого я стянул с себя куртку и молча протянул ей. Уютно завернувшись в нее, как в плед, Даня подняла на меня вопросительный взгляд.

– Ты хотела мне что-то показать.

Она с сомнением принялась водить пальцем по столу.

– Теперь уже и не знаю. – Протянула она. – Марк убедил меня в существовании общего знаменателя, а то, что мне попало на глаза, – совсем частность. Я полезла на закрытые профессиональные форумы, где общаются репродуктологи, гинекологи, специалисты по ЭКО – в общем, мои коллеги. Обсуждают сложные случаи, стратегии лечения, новые исследования в этой области... ну обычная практика. И пару раз мне встретилось упоминание какого-то непонятного заведения... а может, и не заведения вовсе, бог его знает. Я даже заскринила комментарии. Но не уверена, что они имеют отношение к нашим поискам.

– Показывай: коллективный разум нам в помощь.

Даня взяла со стола свой айфон, быстро провела пальцем по экрану и выставила его перед нами на вытянутой руке. Мы с Марком с любопытством принялись читать переписку: «Lemur: «Знакомая моей клиентки с таким же диагнозом родила ребенка пару лет назад. Прошла курс лечения и родила, хотя яичники до этого не работали. Ей чуть ли ни донорскую ткань пересаживали. Упомянула какую-то Фрейю. Кто-нибудь в курсе?» – DrVica: «Что-то слышала. Клуб биохакеров Фрейя. То ли клиника, то ли «Рога и копыта». Они применяли сомнительные методики, порой успешно. А иногда не очень». – Lemur: «Вот про «не очень» я тоже слышала, вплоть до смертельных исходов. Но, как ни странно, обошлось без шумихи. Замяли, видимо».

Марк и я синхронно оторвались от экрана и уставились друг на друга.

– Марк, что думаешь?

– Сложно сказать. Если говорить о трансплантации тканей или органов, их делают на фоне иммуносупрессивной терапии. На ее отмене возможно возникновение аутоиммунной реакции. Но, судя по названию, могли применяться и куда менее традиционные методы, чем простая трансплантация.

– А Фрей – это что?

Даня бросила на меня быстрый взгляд, а Марк заметил нейтральным тоном:

– Фрейя – вечно молодая богиня из скандинавского эпоса.

Будущий нобелевский лауреат оказался еще и эрудитом.

– Странное название для клиники, занимающейся инновационными методиками. – Задумчиво продолжил он.

– Вот именно! – Согласилась Даня. – Название годится только для клуба женских практик. Собственно, когда я начала сканировать интернет, из Сети всплыла куча провинциальных салонов красоты – и ни одной клиники.

– Какая-то конспирация. – Улыбнулся Марк, не отрывая взгляда от оживленного Даниного лица.

– Я тоже так подумала и принялась в промышленных масштабах перебирать запросы, на все лады соединяя в них биохакинг, Фрейю, инновационные методики лечения бесплодия, клиники репродукции, революционные технологии, анафилаксию, аутоиммунные осложнения... в разных сочетаниях.

– И?

Даня медленно обвела нас торжествующим взглядом, не лишенным, однако тени сомнения.

– Никаких клубов биохакеров, никакой клиники «Фрейя» я не нашла, зато всплыло имя.

– Имя? Не название?

– Имя человека, пластического хирурга: Фролов Евгений Яковлевич.

– И как это свя... – Начал я и тут же замолк. – О черт.

– Да, любопытно. – Заметил Марк, у которого не возникло проблем с пониманием связи. – Вот только у него другая сфера деятельности. Если не считать имени, его ничто, на первый взгляд, не связывает с историей аутоиммунных заболеваний.

– Несколько лет назад он работал в модной клинике эстетической и репродуктивной медицины – «Иннолаб-бьюти». Одно время за ней держалась слава чуть ли ни самой продвинутой в этой сфере. Но именно у них было несколько случаев анафилаксии и даже, кажется, системного васкулита. Насколько я знаю, доказать связь между действиями клиники и последствиями для пациентов так и не удалось. «Иннолаб» по-прежнему функционирует, правда, никаких необычных методик уже не предлагает. Но Фролов там больше не работает.

– И где он теперь?

– А вот это интересный момент: он теперь главврач супер-элитной клиники анти-эйдж технологий где-то под Белгородом. Информации об этом месте почти нет, и это странно само по себе. Подобные заведения, казалось бы, нуждаются в рекламе, но только не эта клиника. Даже среди специалистов о ней мало что известно. Говорят, они придерживаются политики максимальной приватности. Вроде как при желании там можно провести месяц, не увидев никого, кроме персонала.

– А зачем нужна такая таинственность? – Удивился я.

Даня усмехнулась.

– Фил, ты человек общительный, но не все же такие. Кто-то хочет иногда отдохнуть от социума. И потом, нужно учитывать специфику клиники: абсолютное большинство пациентов пластических хирургов предпочло бы, чтобы об их экспериментах с внешностью никто не знал. Да и результаты анти-эйдж медицины стараются выдавать за хорошую генетику. И эта клиника, похоже, гарантирует такую возможность. Название у нее, кстати, вполне соответствует политике приватности – «Сиринити».

– «Сиринити»?..

– Ну да. *Serenity* означает безмятежность на английском.

– А сайт у нее есть? – Вставил явно заинтересованный Марк.

– Сайт есть, визуально он впечатляет, но информации практически не дает. Там вообще не упоминаются ни анти-эйдж, ни репродукция, даже слова «клиника» нет. Я его нашла только потому, что кто-то из коллег упомянул название.

– В смысле нет слова «клиника»? А как же эта неклиника называется?

Даня поморщилась.

– Они ретрит, видите ли.

– Они кто?..

– Retreat, видимо. – Предположил Марк. – Англицизм такой.

– Именно! Популярная на Западе концепция: уединиться в комфортабельной глуши и перезагрузить жизненную программу.

– Типа йоги и медитации? Название, кстати, тоже намекает на всю эту чушь.

– Почему чушь? – Даня бросила на меня укоризненный взгляд. – Кому походы, а кому и йога. Но в случае с «Сиринити» больше похоже на камуфляж, за которым скрываются очень серьезные методы работы с клиентами.

– Может, посмотрим их сайт? – Предложил Марк, кивнув в сторону ноутбука.

Я с готовностью открыл браузер и ввел в строку поиска словосочетание «Ретрит *Serenity*».
– На первой странице ничего не будет, листай дальше. – Прокомментировала Даня. –
Говорю же, они не стремятся к известности.

Наконец, «Сиринити» мелькнула среди предложенных ссылок. Я кликнул мышью – и перед нами распахнулось окно в безмятежный рай, созданный большими деньгами для очень больших денег. Виды лаконичных домиков со стеклянными стенами и огромными верандами в окружении идеальных газонов чередовались с изящными средиземноморскими виллами, утопающими в пене цветущих деревьев. Беседки на высоком берегу реки вызвали смутные ассоциации с изрядно забытой мной «Войной и миром», а прозрачный бассейн за стеной из экзотических кустарников напоминал рекламу карибских отелей.

– Ничего себе... Этот приют для миллиардеров совсем не ассоциируется с клиникой.

– И не должен: гости хотят покоя и безопасности, а чувство смутной тревоги от соприкосновения с медициной им ни к чему.

– И что делать с этой информацией? – Негромко вставил Марк, на которого великолепие «Сиринити» не произвело, кажется, особого впечатления. – Судя по уровню клиники, вживую попасть туда будет непросто, если, конечно, у вас нет лишних ста тысяч долларов. В Гугле нашлось немного, и вряд ли найдется больше в других браузерах. Какие еще варианты?

Мы с Даней переглянулись.

– В любой клинике кто-то должен работать. Каким бы знаменитым и талантливым ни был главврач, за ним всегда стоит целая команда. Трудно сказать, много ли в этой «Сиринити» врачей, но они должны там быть. Как думаешь, Даня? Может, поспрашивать среди своих? Мы закончили лучший медвуз страны, кто-то из наших вполне мог оказаться в этой обители стареющих миллионеров.

– Логично. Давай попробуем, хотя не уверена, что мы сильно продвинемся, даже если найдем кого-то из работающих в «Сиринити» врачей. Кстати, это навело меня на мысль: сами врачи редко создают инновационные технологии. А за ними тоже кто-то должен стоять. У нас в клинике, например, работают два молекулярных биолога.

– Мысль светлая. – Прокомментировал Марк, застенчиво глядя на закутанную в мою ветровку Даню. – Думаю, здесь я могу попытаться вам помочь. Выпускники биофака держатся сплоченной компанией, и если кто-то связан с загадочным ретритом, найти его будет несложно.

– Марк, спасибо!

– И еще одна мысль: если Гугл не слишком щедр на информацию, то можно попробовать более профессиональный подход.

– В смысле?

– Вам нужен кто-то, способный извлечь из интернета информацию, не предназначенную для общего пользования. Коротко говоря, хакер. И я могу такого порекомендовать.

За пару часов в кафе мы успели тесно подружиться с Марком, который к концу встречи выглядел куда менее серьезным. Даня по-прежнему куталась в мою ветровку, и я из вполне рыцарских соображений решил проводить ее до парковки. Неожиданно (или, наоборот, вполне предсказуемо) Марк составил нам компанию. В прекрасном расположении духа мы шагали по улице, обмениваясь репликами и пересмеиваясь, но вдруг Даня замерла на месте, неподвижно глядя в сторону дороги, по которой медленно, просто неприлично медленно двигался здоровый черный Рэйндж Ровер. Остановившись посреди тротуара, мы молча наблюдали, как машина неторопливо и бесцеремонно въехала на парковку для такси и несколько секунд ерзала, встраиваясь в геометрию парковочных линий. Затем из нее выбрался невысокий, крепко сбитый мужчина и уверенным шагом направился в нашу сторону. Я совершенно точно видел его впервые, но Даня явно была с ним знакома. Мужчина остановился в паре метров от нас и, неопределенно улыбаясь, обвел всех по очереди хладнокровным взглядом. Мужественные черты лица и ощущение скрытой силы, исходившее от него, с успехом компенсировали невысокий рост.

– Привет. Как ты здесь оказался? – Произнесла Даня ровным тоном, резко отличавшимся от ее обычно эмоциональной речи.

– Проезжал по делам и вдруг заметил тебя. – Ответил незнакомец, даже не пытаясь казаться убедительным.

Мы с Марком быстро переглянулись и дружно перевели взгляд на Даню.

– Знакомьтесь: мой муж Денис. – Коротко сказала она и замолчала.

Денис тоже упрямо молчал.

В попытке сгладить неловкий момент я протянул Денису руку, улыбаясь со всем доступным мне дружелюбием.

– Я Филипп, коллега Вашей жены.

Рукопожатие Дениса было жестким и властным. Мне показалось, он сознательно сжал мою кисть почти до хруста. Не менее осознанно я в ответ вяло пожал широкую ладонь, как бы признавая его главенство в этой странной ситуации. Главное – не навредить Дане.

– Марк. – Вежливо произнес наш третий член экипажа, однако Денис не удостоил его ответом.

– Садись в машину, завтра я сам заберу твою со стоянки. – Скомандовал он. – И сними уже эту хламиду.

На Данином лице появился сердитый румянец, красиво вырезанные ноздри задрожали, однако она подчинилась. Выпутавшись из моей куртки, которая на ней и в самом деле смотрелась мешковато, она протянула ее мне.

– Спасибо, Фил, она спасла меня от обморожения.

Вид у Дани был унылый, но сдаваться она не собиралась. Повернувшись к Марку, она протянула ему руку:

– Рада была познакомиться, Марк.

В ответ он порывисто обхватил ее ладонь обеими и долго не отпускал.

– Я тоже очень рад. Не сомневаюсь в успехе нашего сотрудничества. В ближайшем будущем оно наверняка принесет прекрасные плоды.

В первый раз, кажется, Денис заметил Марка, и я тоже с удивлением уставился на надежду российской иммунологии, застенчивость которой как рукой сняло.

– Идем. – Поторопил он Даню, и под нашими растерянными взглядами распахнул пассажирскую дверь и, взяв жену под локоть, слегка подтолкнул на высокое сидение Рэйндж Ровера. Хлопнув дверцей, он быстро обошел машину и погрузился на водительское место. Все так же бесцеремонно громадный внедорожник выехал с парковки и встроился в поток других машин.

– Что это было? – Недоуменно произнес Марк.

– Без понятия. Сам впервые увидел ее мужа. – Мне почему-то хотелось, чтобы развернувшаяся сцена выглядела в глазах нового знакомого не такой противной, какой она была на самом деле. – Денис возглавляет службу безопасности какой-то крупной компании.

Этот факт никак не оправдывал устроенную Денисом сцену, но Марк, тем не менее, понимая кивнул.

– Профессиональное залипание. – Прокомментировал он сдержанно.

Мы расстались в приятельских отношениях, и я пообещал самому себе поблагодарить друга Серегу за гениального Марка.

Глава 3

Дания

Сцена ревности, устроенная Денисом, перетекла в многоактовый спектакль. Мне досталось за все: за красное платье («На работе ты все равно в халате. Нарядилась для этого, с позволения сказать, коллеги»), за ветровку Фила («А на груди он тебе ее не застегивал? Нет? Удивительно»), за то, что не предупредила заранее о составе участников встречи, за оставленных на няню детей. Сгоряча Денис пригрозил поспособствовать моему увольнению (меня всегда удивляла истовая вера безопасников всех мастей в исключительность своих возможностей). Список грехов оказался настолько длинным, что, по мере того, как Денис переходил к последующим, я успевала забыть о предыдущих. Я вяло оправдывалась, но в глубине души не могла не признать: в одном он все же был прав. Я надела красное платье, чтобы понравиться Филиппу.

Неожиданное явление Дениса возле кафе не особенно меня удивило. В самом начале замужества он время от времени устраивал такие сюрпризы. То неожиданно оказывался в отеле, где я жила во время командировок, то являлся в ресторан в разгар моих встреч с подругами. Со временем попытки поймать меня с поличным закончились: видимо, сказало мое многолетнее безупречное поведение. Но ревнивый характер мужа не поменялся. С возвращением в мою жизнь энергичного Филиппа, пробуждением профессионального любопытства и набирающим силу потоком новых знакомств, инстинкты Дениса вспыхнули с новой силой. После нескольких часов препирательств мне удалось на время убедить его в невинности своих действий и помыслов. Я подробно описала ему историю загадочной «эпидемии» и планы по ее изучению. Пришлось торжественно пообещать, что впредь я буду отчитываться за каждый свой шаг на этом пути. Мои обещания постепенно остудили его гнев. Однако поздно ночью, сидя на кухне с чашкой чая (какой может быть сон после такого судилища?), я со вздохом констатировала невеселые перспективы. Подотчетность убьет ощущение приключения, а подозрительность Дениса все равно никуда не денется. Но готова ли я бросить новую тему ради семейного спокойствия? Нет.

* * *

На несколько дней жизнь вернулась в обычное русло, не считая безуспешных попыток найти хоть кого-нибудь, кто причастен к «Сиринити». Все мои усилия наталкивались на стену неведения. Никто не работал в ретрите, не знал никого, кто бы там работал, большинство о нем и не слышало. Однако семейной жизни затишье пошло на пользу: все вечера я с религиозным рвением проводила дома, готовила ужины, общалась с детьми, укладывала их, а ближе к полуночи в обнимку с Денисом смотрела бесчисленные сериалы. Он начал раньше возвращаться с работы, и жизнь обрела настолько идиллический характер, насколько возможно для супружеской пары с многолетним стажем. Наши отношения всегда были похожи на маятник: чем сильнее мы ссорились, тем дружнее общались в «мирное время».

Уютная постконфликтная реальность отправила историю с «эпидемией» в параллельное измерение. Но когда на пятый день после скандальной встречи я услышала, наконец, его голос, на смену хрупкому душевному покою вновь пришел знакомый азарт.

– Как успехи? Кого-нибудь нашла?

– Ни единой души. Понятия не имею, откуда «Сиринити» берет свой персонал. А ты?

– Тоже по нулям. Зато Марк оказался более удачлив. Представляешь, он умудрился найти кого-то, кто знает кого-то, кто работает в «Сиринити». Молекулярный биолог, кажется.

– Ух ты! Оказывается, Марк не только талантлив как дьявол, но еще и везуч, как черт.

– Тут не поймешь, кто более везуч: Марк или я, его материализовавший.

– Да ну тебя! Как планируешь действовать дальше, счастливец?

– Марк в ближайшее время попытается связаться с молекулярным биологом, а я хочу устроить еще один мозговой штурм, в расширенном составе.

– За счет кого разрастается?

– За счет Марковского хакера – это раз. Помнишь, он собирался нам кого-то порекомендовать? Оказывается, приятеля своего младшего брата. Если верить Марку, он компьютерный гений.

– Младшего брата? А сколько ему лет?

– Точно не знаю. Думаю, около двадцати – двадцати двух. А второй человек тебе уже заочно знаком: Паша, с легкой руки которого мы и увязли в этой аванюре.

Я-то точно увязла. Цена вопроса для Филиппа – потерянное время, а я поставила на карту семейный покой.

– Только есть одна сложность. – Донесся до меня его голос, и в нем звучали нотки сомнения. – Ну то есть для тебя сложность.

– Всего одна? И что это?

– Видишь ли, я с ним знаком лишь поверхностно. Для встречи с ним нужен стандартный предлог.

– Хочешь сказать, собираешься совместить приятное с полезным и в разгар брэйнсторминга подставить ему свою спину?

– Именно!

– То есть ни о какой нейтральной территории речь не идет. Прекрасно.

Филипп виновато засопел.

– Ну и где ты предлагаешь встретиться? – Спросила я подозрительно.

– У меня дома – где еще?

– Зашибись. В прошлый раз ты стал свидетелем сцены ревности, между прочим. На тот случай, если сам этого не понял.

Филипп грустно вздохнул.

– Я все прекрасно понял. Отчасти даже могу понять твоего мужа (я не решилась спросить, почему). Но ты права: тебе не стоит участвовать в таком формате. Тем более, Паша – человек непредсказуемый, как меня предупреждали. До сих пор он не подводил, но... эээ... завал может произойти в любой момент. Мы пообщаемся мужским кругом, а потом я тебе все в деталях перескажу.

Мне было нетрудно представить, как они встречаются «мужским кругом»: искрометный Филипп, интеллектуальный Марк, веселый Паша и загадочное юное дарование. Наверняка будут увлеченно строить догадки, обмениваться шутками, может даже, оппортунистически выпьют по бокалу чего-нибудь. А мне, значит, предстоит услышать сухую и скучную выжимку. Нет уж, друже!

– А когда ты планируешь свой мозговой штурм?

– Чем скорее, тем лучше: хочется поскорее продвинуться в расследовании с помощью криминального юного дарования. Ну и спина, честно говоря, в последнее время опять дает себя знать.

– Если потерпишь пару дней, я к вам все же присоединюсь. Совсем забыла: послезавтра Денис улетает в командировку.

– Это судьба. Передай ему привет от нас с Марком! – Невинно объявил Филипп и отключился до того, как я успела придумать хлесткий ответ.

* * *

Командировка пришлась весьма кстати, хотя на задворках моего сознания теснились подозрения. Не сочинил ли Денис эту поездку, чтобы подвергнуть искушению мои моральные установки? К счастью, накануне его отъезда мне удалось подслушать его разговор с шефом: они и в самом деле обсуждали командировку.

Утром я проводила мужа в поездку, а вечером того же дня Филипп жизнерадостно впустил меня в просторную и пока пустую квартиру: я умудрилась прийти первой. В ожидании остальных Филипп провел меня в большую, немного темную комнату с высоченными потолками. Окна квартиры в «сталинке» на пересечении Ломоносовского и Ленинского проспектов выходили в тихий двор, из них можно было дотянуться до ветвей старого тополя, покрытых нежной, едва распустившейся листвой. Летом, наверное, в этой комнате царит прохладный полумрак. Квартира выглядела так, как будто никто с ней ничего не делал годов с пятидесятих. Добротная, по-своему стильная советская мебель нуждалась в некоторой реставрации, не говоря уже о потертом паркете и трещине на стене. Книжный шкаф во всю стену был забит книгами, среди которых бросались в глаза альбомы по искусству и медицинские фолианты.

– Неожиданный интерьер.

Филипп понимающе кивнул:

– Это все принадлежало бабушке. Квартира досталась мне по наследству три года назад.

– В эпоху своего расцвета она была роскошной. Слушай, а кем работали бабушка и дедушка?

– Дедушка – инженер-строитель. Строил железные дороги. А бабушка – профессор-эпидемиолог. Каждый год она оставляла свою квартиру, летела в Туву или Монголию, надевала сапоги и верхом на лошади инспектировала потенциальные очаги чумы.

– Ничего себе! Так у вас, получается, медицинская династия?

– Получается, да. – Улыбнулся Филипп. – Отец тоже врач, работает в ожоговом отделении в госпитале Вишневого. У тебя рот открыт. Удивлена?

Я поспешно стиснула челюсти и молча кивнула. Разумеется, удивлена: в студенческие годы беспечно-экстравертный, всегда готовый нашкодить Филипп совершенно не выглядел ребенком из профессорско-медицинской семьи. Вот уж действительно, ни о ком нельзя судить по первому впечатлению. Условно профессиональная авантюра, в которую я втянулась, оказалась довольно познавательной, в широком смысле этого слова.

Вскоре явились еще два участника мозгового штурма. Из-за спины Марка выглядывал нескладный тощий юнец со взъерошенной белобрысой шевелюрой и любопытным взглядом из-за толстых стекол очков. Никаких двадцати двух лет ему не было и в помине.

Мы вчетвером оказались зажаты в тесноватой прихожей. Марк с Филиппом обменялись рукопожатием, синхронно похлопав друг друга по плечу (когда они успели так тесно подружиться?), а затем Марк бережно пожал мне руку, глядя на меня сверху вниз агатовыми глазами. Я вспомнила, как он держал мою ладонь на глазах у Дениса, и смутилась.

– Привет, Марк, рада видеть. А вы, наверное, компьютерный гений?

Во-первых, юный хакер оказался таким же долговязым, как и Марк (к Филиппу, видимо, другие не притягивались), а во-вторых – был напрочь лишен интровертной застенчивости, традиционно приписываемой айтишникам. Бесцеремонно подвинув Марка в сторону, он с широкой улыбкой протянул мне руку.

– Привет. Даня. – Представилась я и невольно поморщилась, когда гений очень чувствительно сдвинул мою ладонь цепкими пальцами.

– А я Филипп. – Гостеприимно объявил зачинщик мероприятия, и над моим плечом протянулась его длинная сильная рука.

Юный хакер энергично потряс Филиппову руку и вновь повернулся ко мне.

– А Вас как зовут?

После секундной заминки мы трое недоуменно посмотрели на Марка, который смотрела на нас с подчеркнуто невинным видом.

– А предупредить не мог, умник? – Сурово спросил его Филипп.

– Интересно было посмотреть, как вы разберетесь. – Без малейшего сожаления заявил Марк.

– Вы что-нибудь понимаете? – Обратился ко мне по-прежнему ничего не понимающий хакер.

– Все просто: я тоже Даня. Дания. Это татарское имя. Но Вы, конечно, не могли догадаться, ведь в Москве оно почти не встречается. А ты, Марк, оказывается, затейник. – Я грозно сдвинула брови.

– Он такой. – Серьезно вставил Даня. – Мы с его братом дружим с детства, и все это время он издевается над нами обоими.

В этот момент вновь раздался звонок в дверь: не оправдав худших ожиданий Филиппа, практически вовремя появился Паша. Для разнообразия, доктор оказался чуть ниже меня ростом и лет на тридцать старше. Однако общительностью он ничем не отличался от Филиппа и юного хакера. Профессорская квартира наполнилась одновременным нестройным гулом трех голосов, пытающихся перекрыть друг друга.

– Сегодня у Вас подозрительно многолюдно, молодой человек. Ваши друзья-походники все разом поломались?

– Они не друзья-походники, то есть друзья, но не походники. Честно говоря, сегодня у нас запланирован военный совет с Вашим участием.

– А я-то думал, после увольнения из госпиталя военные советы для меня закончились. С кем воюем?

– С эпидемией аутоиммунки.

Филипп последовательно представил доктору каждого из нас, и с каждой следующей презентацией редкие брови над фарфорово-голубыми глазами поднимались все выше.

– Как вижу, экипаж полностью укомплектован. Ну что ж, готов принять посильное участие. Вот только времени у меня мало, уже через два часа я должен быть в другом месте, довольно далеко отсюда. Поэтому, если не возражаете, совместим процедуру с разговором. – С этими словами он обернулся ко мне. – Не возражаете, девушка?

На меня вопросительно уставились четыре пары глаз. Я махнула рукой:

– Я сама врач. Валяйте.

Устроившись в кресле поудобнее, я приготовилась восхищаться Филипповой анатомией. Он небрежно бросил на пол спортивный коврик и стянул с себя футболку, обнажив неприлично красивый торс. Выдающиеся природные данные Филипп довел практически до совершенства. Мне потребовалось усилие, чтобы оторвать взгляд от гибкой мускулистой спины (разве такая спина может болеть?). Не в силах выдержать такое совершенство, я отвернулась от Филиппа и встретила глазами с молчаливым Марком. Он чуть заметно улыбнулся и жестом показал, что у него звенит в ушах от болтовни перебивающих друг друга экстравертов. Я в ответ возвела глаза к потолку.

– Вы уж извините, Филипп, – раздался снизу журчащий Пашин голос, – но джинсы Вам тоже придется снять. Если не работать с нижней частью тела, получится имитация лечения, а я не готов халтурить.

Филипп бросил на меня со своего коврика немного виноватый взгляд.

– Дань, что скажешь?..

– Разве у нас есть другие варианты?

– Садись рядом со мной: отсюда его почти не видно! – Объявил мгновенно перешедший со всеми на «ты» Данька и для ясности похлопал ладонью диван рядом с собой.

– Вам, вьюноша, рано флиртовать. – Обратился к нему с пола Паша. – Неплохо бы для начала закончить школу.

– Какую школу?! Я на первом курсе *Computer Sciences* в Вышке.

– А сколько ж Вам лет?

– Семнадцать. Я вундеркинд, между прочим, за год закончил десятый и одиннадцатый классы. А его брат, – Данька указал пальцем на Марка, – только в этом году будет поступать.

– Вот что называется настоящий друг! – Холодно парировал Марк, с трудом скрывая снисходительную улыбку.

– Ну раз заканчиваете первый курс, тогда, разумеется, не вьюноша, но муж. Можно тарашиться на девушку, пока глаза не выскочат из орбит.

– А на кого ему еще смотреть, доктор? – Пришел Даньке на помощь Филипп, неспешно расстегивая выдавший виды кожаный ремень. – Не на нас же с вами.

С этими словами он стянул с себя джинсы, продемонстрировав симпатичные синие боксеры в красный цветочек (кажется, маки) и ноги Аполлона Бельведерского. Я почувствовала, как покрываюсь отвратительным пунцовым румянцем, и всё равно продолжала смотреть на Филиппа чуть ли ни с разинутым ртом. Лишь ощутив на себе чей-то взгляд, я оторвалась от Его Совершенства – и вновь встретилась глазами с Марком. Он поспешно отвернулся, продемонстрировав предательски пламенеющее ухо. Бедному Марку было так же неудобно, как и мне: скромным интровертам не место в обществе заядлых экстравертов. Но деваться было некуда, и экстравертная троица продолжила издевательство над хрупкой интровертной психикой.

– Фил, жмыкает меня от твоих труселей! – Объявил неумный Данька.

– Труселя и в самом деле нарушают душевный покой. – Поддержал его с пола Паша, мягко скользивший чуткими пальцами по рельефному позвоночнику Его Совершенства. – Мышцы как у юного спартанца, но такое кокетливое... хм... обрамление.

– Может, поэтому и цветочки? – Внес свою лепту Данька, радуясь возможности проявить образованность. – Спартанцы же были настоящими боевыми... ээ... геями.

– Заткнись, Данька! – Огрызнулся распластанный на полу Филипп и зачем-то добавил, косясь на меня под неудобным углом. – Это я не тебе, Дань.

– Спасибо большое за разъяснения. – Не выдержала я. – Так откуда труселя?

– Боксеры – подарок одной моей знакомой. – С достоинством пропыхтел из-под докторских рук Филипп, умудряясь сохранять надменное выражение лица.

– Вы «из» пропустили, молодой человек: одной ИЗ ваших знакомых. А что ее сподвигло на такой подарок, интересно?

– Я не дарю девушкам цветы. Может, поэтому. Намек на мою антигалантность.

– Никогда не даришь? – Заинтересовался Данька, по-видимому, примеряющий Филиппа на роль образца для подражания.

– Ей – никогда. А вообще бывало...

– Так, Филипп, повернитесь-ка теперь на спину... Хм... Глядя на Вашу анатомию, не сомневаюсь, что отсутствие цветов в подарок – единственный повод для недовольства девушек.

– Слушайте, может хватит уже? – Взмолилась я, наконец.

– Ты права, Дань. – Отрывисто произнес Филипп, которого обманчиво миниатюрный доктор резко закрутил в болезненную позу. – Пора переходить к делу. Вот только трудно говорить о деле, лежа враскоряку на полу.

Наконец Паша выпустил Филиппа из борцовского захвата, и тот, облегченно вздохнув, принялся методично излагать последние новости. Атмосфера в комнате заметно изменилась. Данёк и Марк прекратили свои препирательства, а доктор слушал с сосредоточенным интересом, и его пальцы то и дело замирали над Филипповой спиной.

– Ни разу не слышал ни о какой «Сиринити». Хотя это не удивительно: где я – и где анти-эйдж? Но при случае вверну это название в разговор. Как раз на днях буду править спину клиентке, у которой умерла молоденькая невестка. Помните, я рассказывал? Вот и поинтересуюсь у нее, знакома ли ей клиника, то есть ретрит, простите. А Вы, Марк, еще не общались с молекулярным биологом из «Сиринити»?

– Переписывался. Только это не он, а она. Дарья Кучина, закончила биофак, но на несколько лет раньше меня, так что я лично с ней не пересекался.

– И ты молчал? – Возмутился снизу Филипп. – Что нового узнал?

– Ничего конкретного. Она очень удивилась моим вопросам и написала, что у нее тоже возникли кое-какие сомнения, и она как раз размышляла над тем, с кем бы эту тему обсудить. И вообще она собирается оттуда увольняться, а через несколько дней приезжает в Москву по делам и планирует искать новую работу. Сказала, что горит желанием пообщаться.

– Ого! Супер! Наконец-то дело начинается... Ох! Елки.

– Уж потерпите, молодой человек, я ничего особенного не делаю.

– Значит, Марк встретится с Кучиной, ты, Даня, попытаешься поговорить со своей бывшей пациенткой, а доктор расспросит клиентку, у которой умерла невестка (или как там это называется).

– А мне чем заниматься? – Беспокойно спросил Данёк с выражением почти детского нетерпения.

– А твоя задача, друг хакер, найти как можно больше информации об этой «Сиринити». И о людях из моего списка, который я тебе скину. Как сказал Марк, нам нужно искать единый знаменатель. До сих пор мы его не нашли, так что вся надежда на тебя.

Тревога на Данькином лице уступила место важному достоинству.

Филипп

После встречи, которую я называл мозговым штурмом, Даня – тусовкой, а Марк – сеансом тайского массажа, мы заметно прибодрились. Наши ожидания были, в первую очередь, связаны с Дарьей Кучиной. Пребывая внутри черного ящика под названием «Сиринити», она, похоже, пришла к тем же выводам, что и мы.

Однако сама Дарья так и не вышла на связь, а Марк в ответ на попытки дозвониться получал упрямое «абонент временно недоступен». Обеспокоенный Марк решил узнать ее местонахождение через сообщество выпускников биофака, но обнаружил, что выпускники уже несколько дней заняты ее поиском. Через цепочку знакомств ему удалось выяснить скубые подробности ее исчезновения. Дарья уволилась из «Сиринити» и уехала в Москву, однако дома так и не появилась. Ее след затерялся где-то между Белгородской областью и Москвой. Если она решила изменить маршрут, то никому не сообщила о своих планах. Новость испугала меня сильнее, чем я готов был признать. С одной стороны, не было никаких причин связывать между собой высказанные Дарьей сомнения и ее загадочное исчезновение. Но с другой – два события непосредственно следовали одно за другим.

* * *

Мы с Марком оказались, по московским меркам, соседями, а потому наши встречи приняли регулярный характер. Мы завели традицию делиться новостями в приятном гастроплабе, удачно расположившемся на полпути между его домом и моим. С каждым днем тревога Марка усиливалась, пока не достигла пика через две недели после исчезновения Дарьи. Весь вечер он то и дело выключался из разговора, смотрел в одну точку невидящим взглядом и отбивал по столу бесконечную дробь худыми длинными пальцами.

– Знаешь, Фил, в этой ситуации меня больше всего напрягают две вещи. Если Дашины сомнения по поводу «Сиринити» и ее исчезновение все-таки связаны, не мы ли поспособствовали такому развитию событий?

– А что второе?

– Мы, возможно, единственные люди, осознающие эту причинно-следственную связь. Если она существует, конечно.

Осторожные выводы Марка не прибавили мне оптимизма. Одна из главных нитей наших поисков оборвалась довольно грозным образом, а две оставшиеся выглядели совсем сомнительно. Впервые с начала затеянной мной авантюры я начал задумываться, стоит ли вообще продолжать. Зачем я все это делаю? Любопытство – вещь полезная, когда оно здоровое. Но подогреваемое мной коллективное любопытство выглядело все менее и менее здоровым.

– Слушай, Марк, а не оставить ли нам эту затею? Мы по-прежнему совершенно искренне не понимаем, что происходит и чем оно нам грозит. Может, ну его к чертям, пока не стало хуже?

– Возможно, вам лучше закончить.

– В смысле «вам»? А ты?

– А для меня все только начинается. – Видя мое недоумение, Марк терпеливо продолжил. – Не знаю, какая корпоративная культура существует в твоей Сеченовке, но биофак – сплоченное братство, сохраняющее прочные узы сквозь десятилетия. Нельзя расстаться с биофактом, понимаешь? К поиску выпускницы факультета присоединилось много людей, но они понимают происходящее куда хуже меня. Я не могу... эээ... слемурить в такой момент.

Новояз прозвучал в устах Марка так непривычно, что я невольно ухмыльнулся.

– Убедительно. В таком случае я тоже остаюсь: одинокому волку вроде меня терять нечего. Но 3D надо отцеплять, согласен?

– Почему три D, а не два?

– Даня, Данёк и доктор. Отцепляем?

– Здесь даже обсуждать нечего.

Но в результате обсуждать пришлось многое: 3D яростно воспротивились нашим планам. Даня объявила, что ее бывшая клиентка пострадала от аутоиммунной реакции задолго до появления «Сиринити», а потому ей, Дане, ничего не угрожает. Данёк нерушимо верил в свою дигитальную неуязвимость, а доктор торжественно пообещал лишь «очень ненавязчиво поинтересоваться» хорошей анти-эйдж клиникой, якобы для своей клиентки. Мне пришлось смириться с их неожиданным упрямством, так как запугивать я не хотел, а для приказа мне не хватало авторитета. Выиграв сражение, троица словно растворилась в воздухе: никто нам с Марком не звонил и ничего нового не сообщал. Марк, в меру своих возможностей, участвовал в поиске Кучиной, но с каждым днем все больше падал духом. Если в отношении 3D исчезновение было лишь фигурой речи, то молекулярный биолог из «Сиринити» исчезла по настоящему.

* * *

Первые результаты невидимой нам с Марком активности 3D появились благодаря Дане.

– Я проявила чудеса врачебной бестактности, нарушила пару десятков служебных табу, но добралась-таки до номера телефона бывшей клиентки.

– У тебя не было доступа к ее медкарте?

– Если клиент в течение года не заключает договор с клиникой и не появляется у нас, его карта отправляется в архив, к которому врачи не имеют доступа. Только если клиент решит к нам вернуться, айтишники извлекут ее из архива и обеспечат доступ. В общем, не спрашивай меня, как, но я до нее добралась.

– Дружище, ты лучший хакер реального мира.

– Получилось и в самом деле неплохо, но самое интересное произошло потом. Я ей написала в Ватсап, представилась, напомнила о себе и коротко обрисовала проблему. У меня не было сомнений, что она либо проигнорирует мое сообщение, либо отреагирует на него не слишком дружелюбно. Но она вела себя очень мило и не возражала против личной встречи.

– Да ладно! И когда?

– Я спросила насчет завтра (у меня как раз рабочий день), и Ольга согласилась с условием, что встретимся у нее на районе, как она выразилась.

После знакомства с Даниным мужем я прекрасно понимал, почему она стремилась устроить встречу в свой рабочий день: меньше шансов на очередную драму.

– В общем, завтра в семь вечера встречаемся в «Аисте» на Патриках. Вот только я не собираюсь идти туда одна, мой запас нахальства исчерпан еще на стадии поиска телефона. Сам будешь расспрашивать незнакомую женщину о ее анти-эйдж эпопее.

– Но я...

– Ничего не знаю. Завтра к семи приезжай в «Аист» и не опаздывай. И кстати, желательно не в затрапезной футболке, так как место довольно пафосное.

– Костюм не обещаю, но гарантирую, что футболка не будет выглядеть как из жопы.

– Господи, Фил, ну и манеры у тебя! С пациентами тоже так общаешься?

– Разумеется нет: я же двуличный. Как думаешь, если Марк придет, она нормально к этому отнесется? И как ее зовут, кстати?

– Ольга Вареничева. Я ее погуглила: человек непростой.

– В смысле?

– В смысле, женщина из высшего общества. По образованию журналист, была замужем за миллионером, несколько лет назад развелась и начала выпускать журнал о светской жизни. Организовала какой-то элитный клуб. Как я понимаю, фигура в своих кругах довольно влиятельная.

– Журналист – это неплохо. Есть надежда, что она заинтересуется нашей темой и чем-нибудь поможет.

– Ты знаешь, я ее помню по клинике. В ту пору она еще не была столь успешной светской львицей. Похоже, развод пошел ей на пользу. И еще она очень красивая.

– Хм... отличный бонус. До завтра, дорогой друг!

Марк с готовностью согласился присоединиться к нам в «Аисте», а я сделал в памяти зарубку проверить остаток средств на карте. Аспирант-биолог в МГУ вряд ли может позволить себе ужин в пафосном месте, не перейдя потом на пару месяцев на хлеб и воду. Мне предстояло заплатить за четверых, и хотя я давно миновал стадию аспирантских доходов, проверить карту все же не мешало. В ночи позвонил хакер Данька, которому Марк зачем-то рассказал о завтрашней встрече. Юный взломщик отчаянно напрашивался, но я довольно грубо предложил ему закатать губу.

Дания

«Аист», удачливый ветеран ресторанных войн за внимание платежеспособной московской публики, был одним из любимых заведений моего мужа. Оставалось лишь пылко надеяться, что в этот вечер он не запланировал там никаких встреч. Бронируя столик, я просила подобрать нам самый уединенный, скрытый от посторонних глаз.

Мы с Марком, пунктуальные как обычно, столкнулись нос к носу у входа в ресторан. Я впервые увидела его не в молодежной униформе – джинсах и худи – а в белой рубашке и джемпере. Долговязый, интеллигентный, он выглядел на удивление хорошо в своем *smart casual*. Марк держался с достоинством и не испытывал ни малейшего дискомфорта от пребывания

в пафосном заведении. Я вдруг подумала о многочисленных международных конференциях, на которых ему, без сомнения, приходится выступать. К тому же он преподает на биофаке. Не удивительно, что «надежда российской иммунологии», по выражению Филиппа, оказался готов к представительской деятельности.

Длинноногая хостесс провела нас на второй этаж, на эстетскую веранду под липами, периметр которой был очерчен зарослями красных бегоний. Коктейль из приятной музыки, стильной обстановки и ароматов весенней улицы привел меня в праздничное настроение, а непринужденная беседа помогла забыть, зачем и почему мы оказались в этом месте. Внезапно посерьезневший взгляд Марка остановился на входе, прямо за моей спиной. Обернувшись, я увидела светловолосую женщину, шагающую к нашему столику в сопровождении подчеркнута любезной хостесс. Ольга стала красивее с тех пор, как я видела ее последний раз: невысокая, очень стройная, с точеными чертами лица, выразительным ртом и глазами цвета байкальского льда. Благодаря несправедливому знакомству с медкартой я знала, что ей сорок два года, но выглядела она на десять лет моложе.

Ольга окинула нас прохладным оценивающим взглядом. Мы с Марком поспешно поднялись со своих мест, и расстановка сил немного изменилась: не только долговязый Марк, но и я со своими ста шестьюдесятью семью сантиметрами смотрела на нее сверху вниз.

– Дания? Я Вас помню по клинике. – Любезно, но без лишнего энтузиазма констатировала она. – А Вы, как я понимаю, коллега Филипп?

Марк сдержанно улыбнулся в ответ. Кажется, вполне голливудская красота Ольги не произвела на него особого впечатления.

– Я коллега Марк. А коллега Филипп должен подойти с минуты на минуту... Вот, кстати, и он! – Марк поднял руку, чтобы обратить на себя внимание опоздавшего-таки Филиппа.

Ольга небрежно повернула голову в сторону входа – и... В студенческие годы мне часто доводилось видеть эти «и»: без малейших усилий Филипп умудрялся производить эпифаническое впечатление. Впрочем, на этот раз театральность момента превзошла мои ожидания. Силуэт облаченного в белый свитер Филиппа выступил из полутьмы коридора. В тот же миг незаметная фоновая мелодия сменилась на новую, пронзительно красивую, а жизнерадостный шум разговоров прекратился сам собой, как это иногда случается в местах, где одновременно общаются несколько шумных компаний. И в довершение, из-за облака вдруг выглянуло вечернее солнце.

Удивительная мизансцена длилась не дольше нескольких секунд. Филипп заметил Марка и зашагал в нашу сторону. Ольга неотступно следовала за ним ошеломленным взглядом.

– Извините, опоздал. – Филипп без малейших признаков раскаяния констатировал очевидный факт.

Возвышаясь над Ольгой несколько дециметров, он с мягким интересом вглядывался в ее лицо. Она протянула тонкую руку, и Филипп чуть заметно задержал ее в своей ладони.

– Я тоже опоздала, так что никто не пострадал. – Улыбнулась Ольга.

Она скользнула за стол и бросила на Филиппа выжидательный взгляд, явно рассчитывая, что он сядет рядом. Наш полубог, однако же, не торопился. Он пожал руку Марку, затем подошел ко мне и тепло обнял. И лишь тогда устроился рядом с Ольгой, улыбаясь небрежной, парализующей разум и волю улыбкой. Ее прохладно-строгое лицо преобразилось: великосветское выражение сменилось странной смесью вдохновения и почти девичьей застенчивости. Была ли эта застенчивость результатом многократных репетиций или естественной реакцией, но она ей очень и очень шла. После знакомства с меню и общения с излишне внимательным официантом мы перешли, наконец, к делу, ради которого собрались.

– Честно говоря, не ожидал, что Вы согласитесь с нами встретиться. – Объявил Филипп, не отрывая взгляда от новой знакомой. – До сих пор все наши усилия упирались в глухую стену обстоятельств.

Он последовательно пересказывал Ольге избавленную от лишних медицинских подробностей историю странной «эпидемии», а она слушала его, не перебивая. Красивое лицо выражало спокойную сосредоточенность. Время от времени ее взгляд рассеянно скользил по мне и Марку, но неизменно возвращался к Филиппу. Официант доставил салаты, и пока он кружил над столом с тарелками, все молча потянулись к приборам. Филипп заговорил чуть громче, стараясь перекрыть ритмичное позвякивание стали о фарфор. Марк жевал своих моллюсков с нескрываемым удовольствием, а Филипп лениво цеплял на вилку дим-самы, но за собственным рассказом время от времени забывал класть их в рот. Ольга чертила вилкой в тарелке с салатом замысловатые узоры, бросая на Филиппа частые взгляды. Пользуясь отсутствием внимания, я потихоньку доедала краба, наслаждаясь качеством местной кухни.

К моему удивлению, Филипп ни словом не обмолвился о попытках связаться с Дарьей Кучиной и ее загадочном исчезновении, хотя «Сиринити» не раз мелькала в его истории. Когда он впервые упомянул о ретрите, на Ольгином лице мелькнуло удивление.

– А почему именно это заведение? Что привело вас к таким выводам?

– Эта заслуга Дании. – Филипп кивнул в мою сторону. – Она ее вычислила через форумы гламурных пациенток.

Коротко изложив историю с Фрейей, он резюмировал:

– Как видите, легкие пути уже пройдены. Если мы хотим двигаться дальше, придется беспокоить людей, оказавшихся в нашем списке, хотя я сильно сомневаюсь в их готовности говорить правду. А Вы меня удивили. – Добавил он, глядя на Ольгу с мягкой улыбкой.

Вновь прибыл официант, на этот раз с горячим. Терпеливо улыбаясь ему и друг другу, мы ждали, когда он, наконец, уйдет.

– Любопытная история. – Признала Ольга. – А что требуется от меня?

– То, на что не имеем ни малейшего права: подробностей о вашей болезни пятилетней давности. – Ответил Филипп без тени смущения.

Ольга усмехнулась.

– Подкупающая искренность. Предположим, моя «болезнь» никак не связана с вашей историей... Или я просто отказалась ее обсуждать. Как вы поступите?

Филипп пожал плечами.

– Во-первых, мы не остановимся. Будем искать выходы на других людей, переберем всех, кто есть в нашем списке. Наверняка в иммунологические клиники будут поступать и новые пациенты с похожими симптомами, в том числе, прямо ко мне. Их я буду расспрашивать уже со знанием дела. Во-вторых, попытаемся найти больше информации о «Сиринити». В-третьих, подключим не задействованный ресурс хакерства.

– Это будет непросто. – Осторожно произнесла Ольга. – Люди не любят говорить о собственных анти-эйдж процедурах, тем более неудачных.

– Зато, – ухмыльнулся Филипп, – любят говорить о чужих. Поищем тех, кто знает тех, кому не повезло в ретрите.

– «Сиринити» – элитарное и закрытое заведение. Я о нем слышала: все для защиты клиентов от нежелательного внимания.

– Будет непросто. – Признал Марк, серьезно глядя на Ольгу. – Но мы найдем ответы. Информация о фактах всегда всплывает, рано или поздно. Вся история науки, в конце концов, – это история получения недоступной, на первый взгляд, информации.

– То, что можно найти, найдется. – Кратко резюмировал Филипп.

Ольга иронично приподняла бровь.

– Настрой у вас серьезный. Удачи.

– То есть Вы не готовы ответить на наши вопросы? – В голосе Марка мелькнуло легкое разочарование.

– Мне нужно подумать.

Ольга оказалась непростым игроком: получила от нас всю информацию, ничего не давая взамен. Сейчас мы разойдемся, и она наверняка заблокирует мой номер. Лицо Марка напротив меня отражало уныние, лишь Филипп сохранял невозмутимость. Он жестом подозвал официанта и заказал бутылку неприлично дорогого шампанского. Тот радостно покивал:

– Принести четыре бокала?

– Три.

Я с любопытством ждала развития сюжета: интересно, кого он исключил из праздника жизни?

– Дань, ты не за рулем, я надеюсь?

– Оставила машину у работы: здесь все равно не запаркуешься. Завтра заберу. А кто у нас не пьет?

Филипп улыбнулся в ответ и, в ожидании шампанского, неожиданно заговорил о прелестях майского вечера. Примчался официант с бокалами и вопросительно посмотрел на Филиппа. Тот в ответ жестом показал на нас с Марком и самого себя.

– Думаете, я не люблю шампанское? – С усмешкой спросила Ольга.

– Неважно, любите Вы его или нет: повод все равно никак не связан с Вами.

– Ну и за что мы пьем? – С интересом спросил Марк.

– За успех исследования. Или расследования: смотря куда повернет эта история. – Он повернулся к Ольге. – Спасибо за встречу.

– Я еще не дала окончательного ответа. Мне надо подумать.

– Конечно. Но пить-то мы будем сейчас.

Марк чуть слышно хмыкнул, а я боролась с желанием захихикать. Ольга неожиданно рассмеялась и повернулась к официанту, хлопотавшему над бутылкой:

– Четвертый бокал принесите. – Она обвела нас умным, ироничным взглядом. – Ладно, убедили: расскажу вам свои медицинские приключения, а потом зададите вопросы, если они останутся.

Тут же выяснилось, что Ольга все же любит шампанское. Оно пришлось весьма кстати и, кажется, облегчило ей путь к откровенности.

– Действительно, пять лет назад я сильно заболела. – Она повернулась в мою сторону: в то время мы с Вами как раз и общались.

Я молча кивнула.

– Болезнь была со странными симптомами: все тело покрылось ярко-красной сыпью, жутко ломило суставы и все время рвало. Я ужасно перепугалась, особенно когда увидела, что врачи сами ничего не понимают: то ли у меня лейкоз, то ли инфекция, то ли отравление. К счастью, попался талантливый врач-иммунолог, который распознал «свою» болезнь. Мне поставили диагноз – острый системный геморрагический васкулит.

Мы с Филиппом переглянулись.

– Две недели, тысячу капельниц и два плазмафереза спустя меня выписали во вполне удовлетворительном состоянии. Причину болезни никто, естественно, установить не смог.

Филипп понимающе кивнул:

– С аутоиммунными заболеваниями так чаще всего и бывает. А Вы сами с чем-то связывали начало болезни?

– Нет: мне было так плохо, что мозг попросту отключился. А после выздоровления я постаралась все забыть, как страшный сон. Тем более, мы с мужем вышли в активную фазу развода, и все остальное отошло на задний план. Но теперь, после разговора с вами, могу признаться: примерно за три месяца до болезни я прошла курс лечения от бесплодия в одной известной на тот момент клинике. И результаты были выдающиеся.

– Да, помню! – Не удержалась я. – Результаты меня поразили. Я собиралась вести Вас в естественном цикле, но Вы вдруг пропали.

Филипп бросил на меня укоризненный взгляд, и я мгновенно прикусила язык, удивляясь собственной бестактности. Однако Ольга с достоинством выдержала случайный удар.

– Я заболела, а потом, в связи с разводом, тема ЭКО утратила актуальность. Но это к делу не относится. Зато вас может заинтересовать, где именно я проходила репродуктивную терапию.

Она на секунду замолчала, а мы застыли в напряженном ожидании, напряженно вглядываясь в ее красивое лицо.

– В «Иннолаб-Бьюти».

* * *

Когда мы прощались у входа в «Аист», праздник вечерней весенней Москвы еще только разгорался. Разговоры и смех красиво одетых прохожих, звуки музыки, запах свежей листвы, отголоски женских духов и прохладный ветер погружали в состояние легкой эйфории. Филипп отправился провожать жившую на соседней улице Ольгу, Марк зашагал к метро, нескладно переставляя длиннющие ноги, а я, дождавшись такси, не без тревоги отправилась домой. Как-то встретит меня Денис? Он ни разу за вечер не позвонил, и это само по себе было удивительно. Однако мне повезло: мужа не было дома. Он пришел поздно, в прекрасном расположении духа, и никаких вопросов не задавал.

Следующий день я добросовестно посвятила детям: с утра гуляла с ними в местном парке, затем покормила обедом, который сама же и приготовила, и мы отправились в увлекательное турне по местным детским площадкам. Во второй половине дня пришлось стыдливо признать: приятное и полезное времяпровождение в обществе обожаемых детей начинает меня раздражать. Я с трудом сдерживалась, чтобы не прикрикнуть на гиперактивного младшего, а старшего отчитала за небольшую проказу, на которую в другое время не обратила бы внимания. Видимо, я засиделась дома, и пора было возвращаться к полноценному рабочему режиму. Не могло же мое настроение испортиться из-за того, что Филипп пошел вчера вечером провожать Ольгу домой? Не могло. Но, кажется, испортилось.

В начале восьмого, когда дети счастливо наблюдали за перипетиями «Маши и медведя», мне позвонил Филипп. Они с Марком, очень довольные, отдыхали на полупустой веранде какого-то кафе.

– У нас новости! – Весело объявил Филипп. – Во-первых, на связь, наконец, вышел Паша. Он навещал свекровь умершей невестки. Она категорически отрицала знакомство с «Сиринити», но какие-то вещи Пашу все же насторожили.

– И какие?

– Он не сказал. – В голосе Филиппа звучало сожаление. – Но обещал все подробно объяснить при встрече. Договорились на следующий вторник.

– Стораю от нетерпения.

– Я тоже. Но это еще не все: мы решили внедриться на вражескую территорию и поработать под прикрытием.

– Как это понимать? – Спросила я подозрительно.

– Ольга предложила поехать в «Сиринити» под видом клиентов и попытаться выяснить, что же там все-таки происходит.

Мне понадобилась пара секунд на осмысление его слов.

– Ты серьезно? И как ты себе это представляешь? Ладно Ольга: хоть она и выглядит на тридцать, ей все же сорок два. – Напомнив Филу о ее возрасте, я тут же почувствовала себя стервой. – Но ты на что собираешься жаловаться? На спину? В анти-эйдж ретрите? Замечательный план.

– Я поеду не как пациент, а как друг Ольги – Невозмутимо объяснил Филипп.

И тут, наконец, до меня дошло. Красивая, незамужняя, не самая юная женщина приезжает в анти-эйдж ретрит со своим молодым, убийственно красивым другом. Что может быть естественнее? И понятно, кто будет платить за «разведывательную операцию». Просто превосходный план: Ольга – типичная клиентка «Сиринити», а Филипп с его всепобеждающей харизмой способен разговорить если не каждого, то многих. Но почему мне стало так тоскливо? В отсутствие Филиппа наша энергичная деятельность наверняка прекратится, и я с головой нырну обратно в свою рутину. Или причина в другом?.. В молодости я была мудрой и не претендовала даже на крошки внимания от Филиппа, а теперь внезапно поглупела?

– И когда вы отправляетесь в Белгородскую область?

– Через пять дней. Возможно, за это время выяснится что-нибудь новое.

Но ничего за эти пять дней не выяснилось: к большому разочарованию Филиппа, доктор так до него и не дошел. Пагубная Пашина страсть, с которой он до сих пор лично не сталкивался, проявила себя во всей красе. Вплоть до своего отъезда Филипп пытался с ним связаться, но Паша не отвечал ни на звонки, ни на смски. Под конец телефон и вовсе выключился. О Дарье Кучиной тоже не было известий, ни полиция, ни Лиза Алерт не могли найти никаких следов. В довершение всего Данёк, пытавшийся с размаху «хакнуть» базу данных «Сиринити», наткнулся на непробиваемую дигитальную стену. Похоже, без «работы под прикрытием» было не обойтись.

Накануне отъезда Филипп вновь пригласил нас к себе (плюс Ольга, минус пребывающий в нирване Паша), чтобы «сориентироваться и определить поле действий». Я в тот день работала, и это было неплохо, с одной стороны, но с другой – я прилично опаздывала на встречу и переживала, боясь пропустить самое интересное. В результате мне изменила привычная наблюдательность – и я не обратила внимания на неприметную темную машину, следовавшую за мной от самой работы. Я нажимала кнопки домофона, когда на мое плечо легла тяжелая рука.

– Как будешь оправдываться на этот раз? – Раздался за спиной знакомый голос.

Я резко обернулась:

– Что ты здесь делаешь?

– Что ТЫ здесь делаешь? – Негромко произнес Денис, но его интонация была пугающей.

– У меня деловая встреча.

– Деловая?! Дома у «коллеги»? Оказывается, ты держишь меня за барана.

– А ты держишь меня за легкомысленную девчонку, не дорожащую семьей.

Денис неприятно усмехнулся.

– Так докажи мне, что я ошибаюсь.

– Каким образом?!

– Пригласи меня на вашу деловую встречу.

– Ты же понимаешь: я никого не могу пригласить в чужой дом.

– Похоже, дом Решетникова для тебя не совсем чужой: ты без подсказки набирала код домофона. Да и какой у тебя выбор? Либо мы вместе идем наверх, либо завтра я подаю на развод.

Выбора у меня, действительно, не было. Я снова потянулась к домофону.

– И не надо никого предупреждать, что ты со мной.

– Дверь открыта, заходи прямо в квартиру. – Раздался голос Филиппа.

Ничего менее неудачного он сказать не мог. Но к счастью для меня и всех остальных, когда мы с Денисом вошли в прихожую, сквозь открытую дверь гостиной предстала идеальная картинка: лицом к нам, с ногами в кресле сидела Ольга, а на подлокотнике рядом с ней комфортно устроился Филипп. Его рука, лежавшая на спинке кресла, как будто обнимала Ольгу. На полу по середине комнаты возлежал юный хакер, сосредоточенно уткнувшись лицом в ноутбук и высунув кончик языка. Марк скрывался в глубине, но было хорошо слышно, как он дока-

зывал что-то Филиппу занудным тоном, то и дело упоминая неудобоваримые биохимические подробности. Четверть прихожей занимала вещь, которой я раньше здесь не видела: громадный чемодан Луи Виттон. Я бросила быстрый взгляд на Дениса и с мстительной радостью увидела на его обычно непроницаемом лице несколько обескураженное выражение.

– Ну наконец-то! – Воскликнул Данька, который увидел меня раньше других.

Он начал уже подниматься с пола, но заметил за моей спиной Дениса и застыл в неудобной позе, наполовину на корточках, наполовину на четвереньках.

– А это еще кто? – Ляпнул он с подростковой бесцеремонностью.

В комнате мгновенно повисла тишина, и на нас внимательно уставились четыре пары глаз (любопытная физиономия Марка тоже высунулась из-за угла). Первым, как обычно, среагировал Филипп. Он встал с кресла и двинулся к нам навстречу, улыбаясь как ни в чем не бывало.

– Добрый вечер. Денис, рад Вас видеть. Если хотите подождать, располагайтесь, но боюсь, Вам придется долго слушать малопонятные неспециалисту разговоры.

– Добрый вечер. – Вежливо поздоровался Марк и вновь исчез за стеной.

– Меня Ольга зовут. – Представилась красавица блондинка, помахав Денису из кресла.

Денис терялся редко, но в тот момент начал выказывать признаки растерянности, заметные, возможно, только мне.

– Нет, ждать Даню я не собирался, только подвез ее. Не буду вам мешать, всем до свидания.

Уходя, он смерил меня злым взглядом: Денис очень не любил оказываться неправым. Интересно, как бы он себя чувствовал, если бы оказался прав?

Я вошла в комнату, терзаемая лютым стыдом, однако взрослая часть компании отреагировала максимально корректно, то есть никак. И только Данька разочарованно протянул:

– А ты, оказывается, замужем?

– А почему это волнует ТЕБЯ? – С любопытством спросил Марк. – Строил какие-то планы? Ты хоть помнишь, сколько тебе лет, Ромео?

– В возрастные рамки Ромео он как раз неплохо вписывается. – Подала голос Ольга, решившая, видимо, внести свою лепту в мои мучения. – Вопрос, скорее, в том, сколько лет Джульетте.

А вот и ответка на мою недавнюю бестактность. Я предпочла не заметить маленькой шпильки.

– Возраст не имеет к любви никакого отношения! А вот муж имеет. – Авторитетно парировал юный хакер.

Его комичный апломб разрядил обстановку, и мы, наконец, сосредоточились на том, ради чего собрались в академической квартире Филиппа. На составление несложного плана действий ушло не больше пяти минут. Поскольку айти-система «Сиринити» оказалась Даньке не по зубам, ему предстояло переключиться на сбор информации о жертвах аутоиммунной «эпидемии» и поиск единого знаменателя, о котором мы все время говорили, но никак не могли найти. Нам с Марком ничего не оставалось, кроме как ждать результатов чужих усилий и пытаться дозвониться до Паши. Не самая интересная роль, но ради общего дела можно пожить и в режиме ожидания. Тем более, мне в ближайшее время предстояло долго и мучительно выстраивать статус кво с мужем.

Глава 4

Филипп

Ровно в восемь часов следующего утра, чувствуя себя полным идиотом, я выволок из подъезда огромный, на три четверти пустой чемоданище, который Ольга насильно впихнула мне накануне.

– Хочешь работать под прикрытием, будь любезен действовать правдоподобно. Ну не может любовник светской львицы явиться в ретрит миллионеров с потрепанным рюкзаком.

Она была, конечно же, права. Даже с Луи Виттоном я все еще мало походил на любовника светской львицы. И сейчас, спотыкаясь о громадный параллелепипед на ступенях подъезда, особенно остро это чувствовал. Как было бы хорошо вместо ретрита отправиться в мешчерские леса или Карелию... Мрачно отбросив мечты о походе, я спустил брендового монстра с лестницы и безуспешно заскользил взглядом по припаркованным машинам. Кто знает, на чем она предпочитает ездить? Я вообще практически ничего о ней не знал.

Вечер знакомства закончился совсем не так, как ему полагалось. Я рассчитывал, что мы распрощаемся с новой знакомой еще в ресторане, а затем обсудим свежие новости и дальнейшие действия. Но увидев Ольгу, напрочь забыл своих намерениях. Очень скоро стало очевидно, что мой интерес взаимен. И было так естественно проводить ее до дома – всего-то десять минут неспешной прогулки. А потом было естественно зайти к ней на чашку кофе. Огромная квартира в Малом Козихинском переулке как будто сошла с фотографий интерьерных журналов. Белые стены служили фоном для современной живописи, довольно странной, на мой непросвещенный вкус. Видя, как я с любопытством таращусь на громадный, забрызганный краской холст, она повела меня по просторным комнатам, перемещаясь от стены к стене. Ольга называла имена художников, и я кивал, как будто они мне что-то говорили. Не пытаясь вникать в ее рассказ, я прикидывал, сколько времени понадобится, чтобы самостоятельно найти отсюда выход.

Вечер незаметно перерос в ночь, и было так естественно сидеть на диване, пить итальянское вино (наверняка, очень крутое: в этом доме ничего другого, похоже, не водилось) и обнимать слегка дрожащую от холода Ольгу. Ни ей, ни мне не пришло в голову закрыть окно и оставить снаружи бодрящую ночную свежесть. Она расспрашивала меня о жизни, работе, сыне, походах, но почти ничего не рассказывала о себе. Глубоко за полночь темы для разговора как-то сами собой иссякли. Я прекрасно себя чувствовал и в тишине, но Ольге, видимо, молчание было непривычно: она упрямо пыталась говорить о творчестве какого-то Дэмиена Херста, чья противная здоровенная картина висела перед нами на стене. Чтобы закончить уже эту лекцию, я осторожно взял ее за подбородок и поцеловал. Ольга не сопротивлялась, и было так естественно остаться у нее на ночь.

К счастью, на следующий день я принимал пациентов в клинике только вечером, и утро превратилось в продолжение вчерашнего вечера. А за поздним завтраком Ольга ошарашила меня предложением поехать в «Сиринити». И ровно через пять дней после нашего знакомства я стоял у подъезда и озирался в поисках ее машины.

Из тенистой глубины огромного прямоугольного двора раздался короткий приглушенный сигнал. Он исходил от хищного вида красного Порша Панамеры, всем своим видом утверждавшего: «Я прекрасен!» Не Луи Виттоном единым...

Водительское стекло скользнуло вниз, и я увидел, наконец, свою попутчицу, убийственно красивую в белой футболке и бежевой замшевой куртке.

– Хочешь за руль? Нет? Но права ты хотя бы взял? Дорога предстоит долгая, возможно, по пути передумаешь.

Права-то у меня были, но вот машины никогда не было: я быстро осознал, что хожу куда лучше, чем езжу. Страх расквасить дорогостоящую чужую игрушку победил соблазн поката́ться за рулем машины, которую я раньше видел лишь со стороны. Нажатием кнопки Оля открыла багажник и кивком указала на чемодан. Я не без труда нашел ему место среди его братьев, а когда вынырнул из-под крышки багажника, она закрылась сама собой. Идеальная машина.

Оля же оказалась идеальным водителем: ее непринужденная, отточенная манера обещала одновременно и скорость, и безопасность. Она мгновенно выбралась на Симферопольское шоссе, и за окнами замелькали привычные подмосковные пейзажи. В районе Тулы я умудрился заснуть, а когда через пару часов проснулся, не мог понять, где нахожусь и почему. Ольга бросила на меня ироничный взгляд, спокойно дожидаясь, пока я окончательно приду в себя.

– Где мы?

– Подъезжаем к Орлу. Там остановимся и пообедаем, а после ты сядешь за руль: я запарилась часами сидеть в одной позе.

Чем дальше мы уезжали от Москвы, тем менее реальным казалось происходящее, как будто я смотрел кино про самого себя. За стеклом проносились яркие и щедрые пейзажи. Хвойные леса сменились широколиственными, исчезли привычные елки, зато появились бескрайние пшеничные поля. Странное ощущение: не Аризона, конечно, но и не средняя полоса России. Может, так выглядит американский Средний Запад, какой-нибудь Канзас или Вайоминг? В этой новой реальности вполне можно было сесть за руль красной Панамеры, поэтому я молча кивнул.

Где-то возле Орла мы съели по гамбургеру в придорожном кафе, и ощущение Среднего Запада усилилось.

– Ну а теперь в кресло первого пилота. – Произнесла Оля не допускающим возражения тоном.

– Уверена?

– Она застрахована. К тому же, у меня есть еще внедорожник, на котором я езжу зимой. Давай уже! Иначе мы до утра не доедем.

Мы с Панамерой быстро поладили, и уже через полчаса понимали друг друга, как старые друзья. Следующие три часа дороги стали для меня чистым удовольствием, хотя Оля вряд ли разделяла мои чувства: ее прилично укачало от моих водительских экспериментов. Наконец, мы съехали с трассы на второстепенную дорогу, которая вела к загадочному ретриту. Пейзажи снова изменились: из плавного равнинного ландшафта выросли диковатые меловые холмы. Примерно через полчаса они уступили место бескрайним яблоневым садам.

– Ничего себе садик!

– Да, места интересные.

Оля с любопытством смотрела в окно.

– Странно: деревья невысокие, но их так много, что за ними ни черта не видно. Яблоневые джунгли тянутся до горизонта.

Однако сады закончились примерно через полчаса пути. Мы выехали на открытое пространство. Дорога вела к напминавшей частокол лесополосе из вечнозеленых хвойных, тянувшейся на километры. Разглядеть что-то за плотной стеной деревьев было невозможно, но навигатор уверенно сообщал, что до цели оставалась пара километра.

– Мда... Компания с непрозрачной структурой.

Оля хмыкнула.

– Закрытое акционерное общество.

Дорога привела нас к могучим чугунным воротам, маскировавшимся под решетку летнего сада. Все правильно: клиенты должны чувствовать себя защищенными, но не запертыми. Легким гудком я дал знать о нашем прибытии невидимым стражам ворот. Через несколько секунд открылась неприметная калитка, и нам навстречу вышел высокий широкоплечий мужчина в форме цвета хаки. Представители местной службы безопасности явно отличались от неповоротливых пенсионеров, охраняющих супермаркет возле моего дома. Охранник вежливо попросил наши паспорта и по рации сообщил кому-то о нашем прибытии. Ворота медленно открылись, и мы въехали Святилище Вечной Молодости, напоминавшее розарий под огромными липами. Деревья могучей колоннадой тянулись вдоль дороги, которая вела к высокому портику старинного особняка.

– Кажется, здесь раньше была дворянская усадьба. – Предположила Оля, с любопытством глядя по сторонам. – Такие аллеи из вековых лип встречаются, в основном, там. Странно...

– Почему?

– Я забронировала виллу в стиле Фрэнка Ллойда Райта, а здесь модернизмом и не пахнет. Сообразив, что я не понял ровным счетом ничего, она добавила:

– Такой, знаешь, каменный куб со стеклянными стенами.

Я подрулил ко входу, выбрался из низкой Панамеры, втянул носом незнакомый воздух и ахнул: ну и жара. Начало июня в Москве выдалось прохладное, и я никак не ожидал знойной неподвижности всего в шестистах километрах от столицы. Возле парадной лестницы нас ждали. Вежливый молодой человек взял у меня ключ от машины, пообещав позаботиться и о Панамере, и о багаже. Я был счастлив сбавить ему чемонстра. Две молодые женщины, излучающие профессионализм, почти искренне расспрашивали нас о путешествии. Следующей частью программы стало подписание пугающего количества договоров, согласий, отказов от претензий и еще черт знает каких бумаг. Однако чай со льдом и вазочки с клубникой и черешней немного сгладили бюрократическую скуку. Мы в своей клинике тоже старались застраховаться от потенциальных претензий пациентов, но даже на поверхностный взгляд формулировки «Сиринити» отличались явным нежеланием нести ответственность за собственные действия: «Клиент понимает и соглашается, что выбранные им методы терапии являются экспериментальными и могут повлечь нежелательные последствия. Клиент отказывается от любых претензий к Клинике в связи с любыми такими последствиями». Какой же сильной должна быть жажда вечной юности, чтоб подписывать такие договоры. Я мысленно пообещал себе внимательнее почитать документы, которые «администратор Алина» заботливо сложила в стильную папку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.